

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ



Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова
Соло для влюбленных

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Соло для влюбленных / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2022 — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-168111-1

В жаркое августовское воскресенье молодая певица Лариса отправляется в театр на первую репетицию оперы Верди «Риголетто». Но по пути она становится единственным свидетелем ужасного ДТП — неизвестный насмерть сбил человека. Шокированная Лариса успевает запомнить несколько примет автомобиля. Лицо водителя рассмотреть не удастся — в момент аварии он упал лицом на руль, а в следующую секунду тронулся с места и исчез. Лариса с опозданием приезжает в театр, где знакомится с новым солистом Глебом Ситниковым и влюбляется в него буквально с первого взгляда! Но в его поведении она замечает некоторые странности, которые наводят ее на страшные подозрения... Детективные мелодрамы Татьяны Бочаровой из серии «Детектив сильных страстей» — увлекательные остросюжетные романы, где действительность узнаваема, в героях можно увидеть себя и своих близких, прописаны традиционные ценности, добро в финале побеждает зло и справедливость торжествует.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168111-1

© Бочарова Т. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна Бочарова

Соло для влюбленных



© Бочарова Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

– Лариса Дмитриевна! Лариса Дмитриевна, вы меня слышите?

Лариса с трудом заставила себя выйти из тупого оцепенения, охватившего ее, точно плотный, густой туман.

– Да, я вас слышу.

– Пожалуйста, ознакомьтесь. Это записано с ваших слов. Читайте внимательно. Может быть, что-то зафиксировано неверно или неточно. – Высокий плечистый майор, наверняка любимец женщин, протянул листок протокола. Красивый, высокий лоб, строгий очерк скул, открытый, дружелюбный взгляд спокойных серых глаз. Мужчина смотрел на Ларису с сочувствием и пониманием.

Она на мгновение представила, как выглядит со стороны: нарядный, вызывающе открытый сарафанчик, ярко накрашенное лицо, искусно уложенные волосы – и контрастом ко всему этому пробивающиеся сквозь макияж мертвенная бледность, растерянный вид. Действительно, зрелище, внушающее жалость.

Лариса взяла у оперативника бумагу. Строчки прыгали перед глазами, ей пришлось изучать написанное несколько минут.

– Да, все так и есть. – Она вернула протокол красавцу майору. – Все правильно. Только цвет. Он не серый, как здесь написано, а серебристый.

– Исправим, – серьезно сказал плечистый. – Большое вам спасибо, Лариса Дмитриевна. Мы, конечно, будем искать этого подонка и, надо полагать, найдем. Но вы, как свидетель по делу, должны будете посещать прокуратуру.

– Часто? – испугалась Лариса.

– Точно сказать не могу, – мягко отозвался майор. – Раза два, три, может, и больше. Так что будьте добры оставить контактный телефон, по которому с вами можно будет связаться. – Он достал из нагрудного кармана авторучку и вложил в ее пальцы. – Вот тут, – лист протокола снова оказался перед Ларисиним лицом.

Дрожащей рукой она нацарапала домашний номер, подумала секунду и приписала рядом мобильный.

– Это на случай, если меня не окажется дома. Я часто допоздна задерживаюсь на работе.

Во взгляде майора появилось любопытство. Видимо, его заинтересовало, что за работа такая у этой красивой, хорошо одетой и ухоженной барышни. Однако он ничего не сказал, еще раз просмотрел протокол и удовлетворенно кивнул:

– Это все.

– Я могу идти? – поинтересовалась Лариса.

– Да, конечно. Еще раз примите нашу благодарность.

Он козырнул и, повернувшись, пошел к группе оперативников, стоящей у милицейского «мерса».

Лариса чуть помедлила, а потом на ватных ногах поплелась на другую сторону улицы, где у обочины сиротливо притулилась ее старенькая «Ауди». Пискнула сигнализация. Лариса распахнула дверцу и устало опустилась на сиденье. За сорок минут разговора с милиционерами воздух в наглухо закрытом салоне нагрелся до немислимой температуры. Голую спину обожгло, но она даже не поморщилась. Равнодушно взглянув на себя в зеркальце, машинально поправила выбившуюся из прически прядь. Потом долго, неловко расстегивала маленькую кокетливую сумочку, шарила в ней в поисках сигарет.

Закурив, она опустила боковое стекло до предела, уселась поудобнее и положила обе руки на руль, стараясь унять в них противную мелкую дрожь. Когда наконец это удалось, Лариса

выкинула окурок в окно, вздохнула и плавно выжала сцепление. Машина мягко тронулась и понеслась по почти пустой улице. Было пятое августа, воскресенье, девять часов утра...

Глава 2

Накануне, в субботу, четвертого августа, жара в Москве и ее пригородах достигла своего апогея. Противореча всем нормам и законам природы, столбик термометра поднялся на отметку тридцать пять градусов, и это лишь в тени. А на солнце красная ниточка уходила далеко за сорок. На улицах плавился асфальт, как в Ялте. Измученные зноем москвичи, не сумевшие выбраться на уик-энд за город, в благословенную прохладу фруктовых садов, на чем свет стоит кляли капризный столичный климат. Одно дело, когда плюс тридцать градусов в июле, самом жарком месяце лета! Но август!

Лариса, то и дело останавливаясь в пробке, с легкой паникой поглядывала из окна «Ауди» на бесчисленную вереницу перегревшихся машин, стоявших с открытыми капотами вдоль обочины кольцевой дороги. Рядом нетерпеливо топтались взмокшие от зноя водители, дожидаясь, пока их транспортные средства остынут.

От опасения пополнить ряды этих страдальцев, а также после ссоры с родителями на даче у Ларисы тупо ныл левый висок. Хуже нет, когда тебя в двадцать шесть лет от роду начинают воспитывать, да еще так, как это делает отец. Именно отец, а не мама. Та только молча смотрит грустными глазами. А вот папа – дело другое. Ему, всю жизнь проработавшему на одном месте, в оборонном «почтовом ящике», поступок дочери кажется чем-то из ряда вон выходящим.

Шутка ли: от мужа отказалась. И от какого мужа! Богатого, красивого, непьющего, влюбленного в нее без памяти. Отец с самого начала был полностью солидарен с Павлом в его требовании, чтобы она ушла из «Оперы-Модерн». Дескать, такая работа жены позорит порядочного мужика. Стыд один, почти голяком по сцене бегать, всякую пакость изображать с чужими мужчинами. Ты певица, ну и пой себе арии да романсы. А развратничать нечего.

Что поделывать, в глазах отца и Павла Ларисина работа у Мишки Лепехова, главного режиссера модного музыкального театра «Опера-Модерн», выглядела сплошным развратом.

Даже теперь, спустя полтора года после развода, отец все никак не мог простить Ларисе, что та предпочла работу благополучной семье и налаженному быту. Он страстно мечтал о внуках, а Лариса и Павел так и не успели обзавестись ребенком. Более того, в ближайшем будущем упрямая дочь, похоже, не собиралась устраивать личную жизнь. Проще говоря, Лариса упорно не желала ни выходить замуж, ни даже знакомиться с кандидатами на роль супруга, которых неустанно подыскивали родители.

Собственно, из-за одного из них и разгорелась последняя ссора. Антон, живший на даче по соседству, был врачом и неплохо зарабатывал в хозрасчетном отделении одной из московских больниц. На Ларису он давно бросал томные и страстные взгляды, вызывавшие у нее почему-то лишь неудержимые приступы смеха. Родителям же, и особенно Дмитрию Леонидовичу, Антон очень нравился: надежный, непьющий и внешне весьма представительный. Что еще нужно бабе для счастья?

Как раз в эту субботу у Антона случился день рождения. С утра он сгонял в стационарный магазинчик, затарился выпивкой, закуской и стал громко жаловаться, что всему этому добру суждено пропасть, ведь из города в такую жару к нему на дачу никто не доедет.

Антонина Петровна тут же включилась в спектакль и предложила горемыке-новорожденному отпраздновать знаменательное событие у них. Мол, рядом две женщины, неужели они стол одинокому человеку не накроют?

Антон долго уговаривать не пришлось – он мигом явился на соседский участок с бутылками и разной снедью. Навстречу ему спешил довольный Дмитрий Леонидович, уже предвкушающий приятный вечер за рюмочкой на тенистой террасе.

И надо же было Ларисе нарушить эту идиллию! Она вовсе не собиралась оставаться на даче в субботний вечер и хлопотать за праздничным столом в качестве радушной хозяйки. У нее были совершенно другие планы.

Лепехов, гениальный, сногшибательный Мишка, выдумщик, фантазер и фанатик новаторства в оперном жанре, в начале августа задумал постановку «Риголетто» Верди и предложил Ларисе главную роль. В опере оказалось достаточно любовных сцен, а так как Мишка проявлял остроумие и оригинальность именно в них, спектакль обещал быть аншлаговым. Труппа буквально загорелась новой идеей главрежа и согласна была начать репетировать, несмотря на жару. Премьеру наметили на самое начало сентября, времени оставалось в обрез, и первое знакомство с материалом назначили на воскресенье. Поэтому, приехав на дачу к родителям в субботу утром, Лариса намеревалась в тот же день вечером вернуться в Москву. Мишка любил проводить репетиции рано утром, пока чувствовал себя особенно свежим и полным сил.

Обо всем этом, конечно, не вдаваясь в подробности, и поведала Лариса возмущенным родителям. Реакция их была ужасна. Мама часто заморгала, будто собираясь расплакаться, и ушла в дом. Отец долго и нудно читал Ларисе мораль. Та собирала сумку с нужными вещами и молчала. Жалость к отцу боролась в ней с раздражением, и наконец победило второе – Лариса сорвалась и наругала. Хлопнув дверцей машины и даже не поцеловав на прощание мать, она уехала.

Ей повезло. «Ауди» хоть и была семилетней, но жару переносила стойко. Лариса остановилась у подъезда и вылезла на раскаленный, несмотря на вечер, воздух, чувствуя себя донельзя усталой и разбитой.

На лавочке возле дома сидели две старушки. Одна из них, Галина Степановна, тучная, с отеками, распухшими ногами-тумбами, была ее соседкой по лестничной площадке. Она сладко улыбнулась беззубым ртом, однако маленькие, глубоко посаженные глазки цепко рассматривали Ларису с головы до ног.

– Красавица наша приехала! – елеино пропела старуха, кивая проходящей мимо девушке. – Чего ж в такое пекло в город? Завтра же выходной. Отдыхала бы в холодке, а то здесь не продохнуть.

– Работа, Галина Степановна, работа, – улыбнулась Лариса в ответ, – расслабляться некогда.

– Ну, с богом, раз работа, – согласилась бабка, вздыхая.

Обольщаться насчет соседкиной доброжелательности не приходилось. Лариса отлично знала: как только она скроется в лифте, обе старушечки тотчас самозабвенно начнут перемывать ей кости, называя уже не красавицей, а хорошо еще если только сукой и потаскухой.

Ларису это несколько не волновало. За пять лет работы в театре она выслушала много гадостей – не только от мужа и родителей, но и от лучшей школьной подруги и годами проверенной институтской компании. Дружба с Полинкой постепенно сошла на нет, однокурсники-вокалисты один за другим перестали звонить. Павел был последним в этой цепочке. После его ухода Лариса окончательно смирилась с тем, что ее пристрастие к «Опере-Модерн» вряд ли будет оценено по достоинству кем-то, не имеющим отношения к театру. Поэтому последние полтора года она общалась лишь с членами лепеховской труппы – теми людьми, у кого находила понимание.

Пустая квартира встретила Ларису духотой, хотя все форточки были открыты настежь. Она скинула в коридоре увесистую спортивную сумку, сняла удобные босоножки на низкой платформе, которые надевала, когда приходилось вести машину, и босиком прошла на кухню. В холодильнике стояла запотевшая бутылка минералки. Она налила полный стакан, подумав, набросала туда кубиков льда из морозилки и с наслаждением сделала пару глотков. Но, спохватившись, что от холодного заболит горло, вытащила из кухонного шкафчика длинную соломинку и, продолжая через нее потягивать освежающий напиток, отправилась в ванную.

Дикая жара и дорога вытянули из Ларисы все силы. Она сняла промокшую от пота одежду и встала под прохладный душ, с удовольствием ощущая, как упругие струи прогоняют из тела усталость. Так она стояла до тех пор, пока к ней не вернулась всегдашняя бодрость и окончательно не утихла боль в виске. Тогда Лариса сделала воду погорячей, взяла с полки шампунь и принялась намыливать длинные пепельно-русые волосы.

Из душа она вышла раскрасневшаяся, полностью расслабившаяся и абсолютно спокойная. Черт с ней, со ссорой на даче! Она не будет об этом думать. Ни об этом, ни о злобных старушенциях у подъезда, ни о переставшей звонить Полинке и тоскливой тишине в пустой квартире по вечерам. Она сделала свой выбор и ни о чем не жалеет.

Лариса принесла с кухни большое красное яблоко и, уютно устроившись с ногами в кресле, с аппетитом принялась есть. Рядом на столике затренькал телефон. Лариса сняла трубку:

– Я слушаю!

– Ларка! Ну наконец-то ты приехала! А то я весь вечер трезвоню, и все без толку, – как всегда, громкий и веселый голос Милы грянул Ларисе в ухо. – Как доехала? Машина не встала? Страшная жара! Я просто таю, как шоколадка, – Мила продолжала тараторить без остановки, не дожидаясь ответных реплик.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Мила Калитина, меццо-сопрано и ныне единственная Ларисина подруга, отличалась излишней многословностью, а попросту говоря, болтливостью. Качество это, однако, ничуть ее не портило, а скорее, наоборот, очень шло. В свои тридцать два Мила имела внешность подростка – мальчишеская, узкобедрая фигура, короткие пегие вихры, озорно вздернутый нос. И ровно сто слов в минуту. Лариса улыбнулась трубке:

– Да, жара кошмарная. Я доехала, как в страшном сне. Ты-то как?

– Я-то? Как всегда, в полном порядке. Что мне сделается? Готовишься?

Мила имела в виду завтрашнюю репетицию. Конечно, надо бы подготовиться, попеть партию или хотя бы проиграть ее на фортепьяно. Но пока что у Ларисы не хватало на это сил. Может быть, потом, попозже, вечером...

– Готовлюсь, – не моргнув глазом соврала Лариса и откусила от румяного яблочного бока.

– Молодец, – завистливо вздохнула Мила, – а я что-то никак себя собрать не могу. Опять с Сережкой разругались. Так наорала на него – аж охрипла. Как завтра петь буду?

Сережка был Милиным сыном, рожденным ею в очень юном возрасте, всего семнадцати лет от роду. Она с ним ссорилась и мирилась по десять раз на дню. За нарочито радостным голосом подруги Лариса отчетливо расслышала уныние и грусть.

– Споешь, не волнуйся, – утешила она. – Скажи лучше: не в курсе, кого Мишка на Герцога взял? Я его об этом еще в пятницу спрашивала, но тогда он еще ничего определенного сказать не мог. Звонила ему?

– Конечно, – сразу оживилась Мила.

– И что?

– А ты сидишь или стоишь?

– Сижу, – Лариса опешила от такого странного вопроса.

– На чем сидишь? – не унималась Мила. – На диване?

– В кресле. Хватит издеваться!

– Ну, тогда держись за подлокотники, да покрепче. Знаешь, кто будет твоим партнером, дорогая моя Джильда? – Мила выдержала театральную паузу и торжественно проговорила: – Ситников!

– Кто это? – Фамилия Ларисе показалась знакомой.

– Да ты что, девушка! Не знаешь, кто такой Глеб Ситников? Гран-при конкурса «Золотая лира». Его в июле каждый день по каналу «Культура» показывали. Красавчик с ангель-

ским голосом! Мишка, оказывается, уже давно его пригласил, но держал все в тайне. Спонсоры театра квартиру ему сняли на весь репетиционный период. Вот так!

Лариса озадаченно покачала головой. Глеб Ситников... Ах, ну да. Всероссийский конкурс «Золотая лира» проходил в июле в то время, когда Лариса со своим очередным кавалером ездила в Туапсе. Это был один из тех быстротечных и ни к чему не обязывающих романов, которые один за другим возникали у нее в течение последних полутора лет. По возвращении в Москву роман так же легко угас, как и начался, но конкурс, о котором шумели в певческих кругах, она полностью пропустила. Ситникова Лариса видела лишь раз по телевизору, когда он давал интервью журналистам. В памяти осталось нечто смутное, никаких особых чувств не вызывающее. И вот теперь...

– Значит, Ситников, – задумчиво проговорила в трубку Лариса. – Что ж, я рада.

– Еще бы не рада! – ехидно произнесла Мила. – Смотри не упади к его ногам в первый же день!

– Еще чего! – заносчиво возразила Лариса. – Пусть он падает к моим ногам. И вообще, провинциальный тенор – это не в моем вкусе.

– Ну-ну, – насмешливо поддакнула Мила. – Ладно, подруга. Пойду я, мне ужин пора готовить, парня кормить. Сын как-никак, хоть и стервец порядочный. Бывай, до завтра.

Лариса положила трубку и в рассеянности подбросила на ладони недоеденное яблоко. С ума сойти – ей предстоит петь с победителем всероссийского конкурса! И ведь у Ситникова все еще впереди – наверняка будут и победы на международных конкурсах, он же, кажется, совсем молодой, тридцати нет. Для вокалиста это детский возраст. Герцог в «Опере-Модерн» – только начало в бесконечной череде блестящих теноровых партий.

– Будет о чем вспомнить в старости, – сказала Лариса.

Она поднялась с кресла, сменила махровый банный халат на тонкий шелковый пеньюар. Затем уселась за пианино, раскрыла клавиры Верди и два с половиной часа упорно и кропотливо проходила один за другим сложные места в партии. К одиннадцати глаза у нее начали слипаться, и Лариса улеглась в постель.

Проснулась она сама, без будильника, ровно в половине седьмого. Настроение было отличным. Лариса не спеша приняла душ, позавтракала, оделась и тщательно накрасилась. Придирчиво оглядела себя в зеркале и, удовлетворенная, спустилась к машине.

За ночь жара немного спала, и Лариса с удовольствием вдохнула свежий утренний воздух.

Она выехала со двора и помчалась по широкому шоссе. Народ по случаю зноя и воскресенья словно вымер, трасса и тротуары были почти пусты, легкий ветерок влетал в открытое окошко, приятно обдувая лицо и лохматя волосы. Впереди показалась поливалка, ползущая по дороге, точно гигантская ошетилившаяся ежиха. Она медленно вращала щетками и разбрызгивала веселые водяные брызги. Лариса обогнала ее и унеслась вперед.

На перекрестке замигал желтый сигнал. Лариса, плавно притормаживая, перестроилась в правый ряд – метров через двадцать после светофора ей предстояло свернуть в переулок.

Желтый свет сменился на красный. Пешеходный переход также был пуст. Но вот на расчерченную полосками дорогу ступила девочка лет восьми-девяти. На ней была оранжевая джинсовая юбка и яркая зеленая майка. В руках – большая хозяйственная сумка, из тех, какие носят «челноки». В глаза бросилась странная прическа – множество коротких хвостиков, схваченных разноцветными резинками и смешно торчащих в разные стороны.

«Куда она в такую рань?» – удивленно подумала Лариса, терпеливо дожидаясь, пока светофор перемигнет обратно на зеленый.

...Он появился неведь откуда, точно вырос из-под земли. Серебристый низкорюхий «Опель» с торчащей, будто рапиры, антенной. Прежде чем Лариса успела что-нибудь понять, сверкающий на солнце автомобиль, не сбавляя бешеной скорости, пронесся мимо ее «Ауди».

Болезненно и надсадно взвизгнули тормоза, машина ткнулась носом вперед, и раздался всего один короткий высокий вскрик, от которого Ларису будто парализовало.

Наступила мертвая тишина. Ей казалось, что время остановилось. «Опель» стоял рядом, в левом ряду, и она отчетливо, точно в бинокль, видела его серо-серебристый бок, полуспущенное тонированное стекло, за которым виднелась черноволосая голова водителя, упавшего от толчка лицом на руль. Прилепленный на присоску к лобовому стеклу, слегка покачивался маленький малахитово-зеленый краб, растопыривший тонкие щупальца. Ларисе показалось, что красные глаза-бусинки смотрят прямо на нее. Она судорожно вдохнула, пытаясь сбросить навалившуюся неподвижность, и в тот самый момент водитель вскинул голову. Взревел мотор, «Опель» рванулся с места и через несколько мгновений растаял вдаль, точно мистический и злобещий «Летучий голландец».

На негнущихся ногах Лариса вылезла из машины. Девочка лежала в двух метрах от перехода, почти у самого тротуара, широко раскинув руки и неловко подвернув под себя правую ногу. Лариса с ужасом заметила, что ни с одного из хвостиков не слетела резинка. Они так и торчали в разные стороны, словно многочисленные смешные рожки.

Тишина вокруг постепенно стала наполняться возгласами и криками. Надрывно воя, приехала «Скорая», а немного позднее – вращающий мигалками милицейский «мерс». Лариса смотрела, как девочку переносят на носилки, закрывают с головой черным брезентом, грузят носилки в салон машины...

Она не заметила, в какой момент к ней подошел широкоплечий красавец майор.

– Майор Кузнецов, – опер козырнул, внимательно оглядывая Ларису. – Девушка, вы здесь были с самого начала. Видели, что произошло?

– Да, – Лариса с трудом разлепила пересохшие губы.

– А сам наезд?

– Да.

– Можете рассказать, как все было? – уже мягче спросил плечистый.

– Да.

– Тогда, прошу вас, пройдемте со мной.

Он осторожно, но твердо взял Ларису под локоть и повел к своей машине.

– Я вас слушаю, – красавец раскрыл блокнот. – Расскажите все, что видели. Постарайтесь ничего не упустить. И пожалуйста, не волнуйтесь.

– Это был серебристый «Опель», – сказала Лариса. – Номер я не запомнила. Он ехал на огромной скорости, не меньше ста тридцати, думаю. За рулем – длинноволосый брюнет. Лица не видно было. И... краб.

– Краб? – в недоумении переспросил майор.

– Сувенир или талисман, какие вешают на лобовое стекло. Такой зеленый, с красными глазами.

– Понятно. – Майор щелкнул ручкой и застрочил в блокноте.

Глава 3

На репетицию она приехала почти с часовым опозданием. Припарковала машину во дворе бывшего кинотеатра, ныне перестроенного и безраздельно отданного в распоряжение «Оперы-Модерн». Толкнула тяжелую, обитую железом дверь и оказалась в пустынном прохладном вестибюле.

Только тут ее окончательно отпустило, – перестало гулко биться сердце, исчезла дрожь в руках. Так бывало всегда: стоило Ларисе переступить порог театра, как она чувствовала некую волшебную силу, от которой подпитывалась, становилась сильной, спокойной и уверенной.

В зеркальной стене отразилась высокая стройная девушка с красиво уложенными в пучок волосами, соблазнительно обнаженными плечами и миловидным, но бледным лицом. Лариса слегка кивнула своему двойнику и быстрым шагом двинулась к лестнице на второй этаж мимо пустующего гардероба.

Она уже поставила ногу на ступеньку, когда сверху послышались торопливые шаги. Лариса подняла голову и увидела спускающегося к ней молодого мужчину – в светлых летних брюках и кремовой рубашке с короткими рукавами, темноволосый, с приветливым и слегка растерянным лицом.

Лариса посторонилась, чтобы пропустить парня, полагая, что перед ней один из многочисленных фанатов театра – они осаждали помещение оперы ежедневно с утра до вечера, пытаясь прорваться на репетиции и завязать знакомства с певицами. От таких субъектов не спасала даже охрана, год назад нанятая Лепеховым. Мишка, несмотря на свой кроткий нрав и ангельский характер, научился безжалостно избавляться от навязчивых поклонников.

Однако молодой человек неожиданно остановился, не дойдя до Ларисы пары шагов, и проговорил, явно смущаясь:

– Простите, тут абсолютно никого нет, и я, кажется, заблудился. А охранник говорит, что он новенький и знать ничего не знает. Вы не подскажете, где проходит репетиция?

– Репетиция чего? – уточнила Лариса на всякий случай.

– Верди. Здесь сегодня должны репетировать Верди, и я... мне...

Лариса еще раз мельком взглянула на парня, и у нее появилась смутная догадка. Красивое, точеное лицо, выразительные карие глаза, идеально очерченные, чувственные губы. И голос – мягкого, певучего тембра, слегка упирающийся на «о».

– Вы приглашены петь в «Риголетто»? – перебила она мнущегося парня.

– Да, – обрадовался тот, – я...

– Глеб Ситников, – Лариса улыбнулась. – Верно?

– Верно, – парень был явно ошеломлен, но и польщен одновременно. – Только откуда...

– Ну, вас узнать нетрудно. Вы же известная персона, столько раз мелькали на экране. Вся наша труппа видела вас и слышала ваш великолепный голос.

– И вы? – уточнил Ситников.

– Я – нет, к сожалению. Но доверяю вкусу своих коллег.

– Значит, – Ситников первый раз улыбнулся, и улыбка у него вышла совершенно очаровательной, мягкой, чуть смущенной и одновременно озорной, – вы поете в труппе? Солистка?

– Более того, – засмеялась Лариса. – Я – та самая бедная малютка Джильда, без памяти в вас влюбленная!

– Вот это да! – Ситников театрально всплеснул руками и легко перескочил через оставшиеся ступеньки. Теперь он стоял совсем рядом с Ларисой, почти касаясь ее. Он был чуть выше ее, но казался очень стройным благодаря изящной гибкой фигуре. Темные глаза смеялись и глядели на Ларису с непонятной смесью застенчивости и дерзости.

Под этим взглядом она ощутила легкое волнение. Оно было приятным, слегка закружилась голова, и вдруг захотелось без причины смеяться, что Лариса и сделала.

С минуту они так и стояли друг напротив друга и весело, беззаботно хохотали. Потом Лариса в изнеможении оперлась рукой о перила и проговорила:

– Собственно говоря, непонятно, чему мы радуемся. Репетиция идет уже больше часа. Интересно узнать, почему вы опоздали в первый же день?

– Несчастный случай, – развел руками Ситников.

Лариса вздрогнула. Боже, как она могла забыть? Шутливые слова парня напомнили ей трагедию, произошедшую по пути в театр. Неужели после всего того, чему она недавно стала свидетелем, можно вот так стоять и заливаться идиотским хохотом?

– Кроме шуток, – холодно сказала она, – что случилось? Вас же вызывали к половине девятого, так?

– А я и не шучу, – пожал плечами Глеб. – Вот.

Он осторожно отвел со лба прядь волос, и Лариса увидела на загорелой коже свежую ярко-красную ссадину.

– Где это вы так? – сочувственно поинтересовалась она.

– Да, – досадливо отмахнулся Ситников, – я иногда бываю страшно рассеян. Не заметил открытой дверцы шкафчика в ванной. Ерунда такая, а кровь хлестала битых полчаса.

– Чуть ниже, и могли бы попасть в висок, – заметила Лариса.

– Слава богу, не попал, – улыбнулся Глеб. – А почему опоздали вы? Тоже несчастный случай?

– Да, – мрачно подтвердила Лариса. – Не будем об этом. Лучше пойдете в зал, не стоит испытывать терпение Лепехова. – Она побежала вверх по лестнице.

Ситников шел за ней следом.

– Правду говорят, что у вас в спектаклях все ходят полностью голые? – услышала его голос Лариса.

– Не все и не полностью, но не без этого. Впрочем, не буду ничего рассказывать, сам увидишь.

– Тебе это нравится? – Глеб так же легко перешел на «ты» и на последней ступеньке обогнал Ларису, заглядывая ей в лицо.

– Нравится что?

– Ну... обнажаться на сцене. И что на тебя все смотрят.

– Это моя работа, – просто сказала Лариса. – Я ведь не просто обнажаюсь, а еще и пою. И не шансоньетки или попсу, а сложные оперные партии. Это нельзя разделять, тут все связано воедино ради одной цели – создать образ, который бы трогал зрителя. Сложно объяснить словами, потом сам поймешь.

– Чего тут непонятного? – усмехнулся Глеб, останавливаясь. – Нам куда?

Перед ними был длинный коридор второго этажа. Репетиционный зал находился слева.

– Туда, – Лариса указала на плотно обитую дерматином дверь, и Глеб широко распахнул ее перед ней.

Первым, кто бросился в глаза Ларисе, был красный от жары и возбуждения Мишка Лепехов, стоящий перед сценой, вздев руки и вдохновенно поднимая голову. Поза выглядела комичной для не знакомого с характером главрежа, но не для Ларисы, проработавшей в театре несколько лет. Краем уха она услышала, как тихонько фыркнул за ее спиной Глеб, и незаметно дернула его за руку.

Труппа сидела в глубине зала, а на сцене, точно крепость, возвышался Артем Корольков, баритон, исполняющий в спектакле роль Риголетто. Он был голый по пояс, на его мускулистый торс был нацеплен большой бутафорский горб, лицо выражало усталость и нетерпение. Видимо, Лепехов до печенок достал его поисками нового образа.

Артем первым заметил Ларису и Ситникова. Выражение его лица смягчилось, он выпрямился во весь свой огромный рост и проговорил, обращаясь к Лепехову:

– Вот они. Пришли. Теперь их помучай, а я возьму тайм-аут.

Лепехов моментально лишился своего вдохновенного вида и стал совершенно обыкновенным: маленьким, узкогрудым и очкастым, похожим на доходягу-воробья. Невозможно было представить, что минувшей весной ему стукнуло пятьдесят два. Вообще-то артисты труппы, состоящей в основном из молодежи, должны были называть Лепехова Михаилом Григорьевичем, но холостой, бездетный, так и оставшийся вечным ребенком, он был для всех просто Мишкой, Мишей и лишь иногда, в особо торжественных случаях, Михаилом.

– Лара! – закричал он на весь зал, оборачиваясь к опоздавшим солистам. – Что происходит? Где тебя носит и... и почему вы вместе, черт побери? Вы что, куда-то ходили вдвоем? Давно знакомы?

– Да нет, – спокойно и мягко произнес Глеб, – познакомились десять минут назад на лестнице.

– На какой еще лестнице? – взвился Лепехов. – Быстро на сцену! Время уходит.

– Прямо так сразу? – удивился Ситников. – Я ведь даже не распелся.

– У нас не всегда успеваешь распеться, – Лариса уже поднималась по шатким ступенькам на высокую широченную сцену, – привыкай.

– Куда ж я денусь.

Из реквизита на сцене были лишь широкие качели. Они висели на тросах, укрепленных под потолком. В самом углу стоял большой вазон с искусственными цветами.

– Я хотел представить вас труппе, но теперь уже нет времени. – Лепехов сделал нетерпеливый жест, приглашая Глеба подойти поближе к краю сцены. – Итак, господа, Глеб Ситников, Гран-при «Золотой лиры», отныне наш замечательный Герцог. Прошу любить и жаловать.

Из зала раздались дружные аплодисменты. Ситников, слегка смутившись, наклонил голову.

– Споете нам? – задушевно поинтересовался Лепехов. – Ну, скажем, эту арию, из первого действия. А? – Не дожидаясь ответа, обратился к сидевшей за роялем Зиночке Клеймштейн: – Зинуля, солнышко, сыграй нам...

Та улыбнулась, кивнула главрежу и заиграла вступление к арии «Верь мне, любовь – это счастье и розы». В отличие от большинства музыкальных театров столицы, Лепехов принципиально ставил оперы только на русском языке.

В зале притихли, с любопытством и ожиданием уставившись на сцену. Лариса покосилась на Глеба. Тот был абсолютно спокоен, только с его лица сошло мальчишеское смешливое выражение, оно стало серьезным и строгим. Выждав положенные такты, он сделал шаг в глубь сцены и запел.

Ну и голос! Лариса замерла на месте. Глубокий и в то же время совершенно свободный, летящий далеко в зал. И культура пения высокая, слышно сразу. Фразы, интонация – все на уровне. Да, Гран-при ему дали не случайно. «Ла Скала» по нему плачет, это факт. Вот только бы убрать это оканье, а больше и придаться не к чему.

Лариса тихонько отошла в сторону и присела на качели. Слушать бы и слушать, как он поет! Настоящий Герцог – обворожительный, блестящий. Она видела, как вытянулось лицо у Мишки Лепехова, в момент подобралась вся его жалкая, тщедушная фигура. Сидящая в зале Мила что-то шепнула на ухо Артему, и тот кивнул, продолжая не отрываясь смотреть на сцену.

Глаза всей труппы были устремлены на Ситникова, даже Зина, забыв про стоящий на пюпитре клавиш, играла вслепую. Сам же Глеб, казалось, не замечал, какое производит впечатление. Он пел просто и естественно, как дышал, полностью перевоплотившись.

Наконец он закончил. Зина взяла последний аккорд, ее руки повисли в воздухе.

Настала секундная пауза, а затем из зала раздались крики «браво» и аплодисменты. Хлопали от души все певцы и сама Лариса, так и не вставшая с качелей.

– Замечательно! – искренне восхитился Миша. – К этому нечего добавить. Как приятно сознавать, что я не ошибся, предложив вам эту работу! Ларочка, что скажешь?

– Я потрясена. – Лариса поднялась, подошла к Глебу вплотную и протянула руку: – Поздравляю. Ты доставил нам всем огромное удовольствие!

– Очень рад, если это так, – улыбнулся тот.

Внезапно Ларисе показалось, что столь теплый и восторженный прием не слишком радует и удивляет Ситникова. Похоже, он привык к впечатлению, которое производит, и отлично знает себе цену, а все его смущенные улыбочки и растерянные жесты не что иное, как хитрые уловки, точно рассчитанная часть имиджа. Или ей кажется?

– Ладно, – произнес Лепехов, – с Герцогом все ясно. Займемся теперь вашими отношениями. Лара, ты готова спеть свое соло?

– Да, – кивнула Лариса, чувствуя невольное волнение. Нет, она, конечно, уверена в себе на все сто и партию вчера прошла на совесть, а тембр голоса у нее оригинальный, красивый, все говорят. Но все же петь после такого выдающегося исполнения будет нелегко.

– Тогда, пожалуйста, будь добра, вернись на качели. Они на сцене специально для тебя.

– Интересно. – Лариса в упор взглянула на Глеба и снова уселась на качели.

Лишь только раздались знакомые трепетные звуки, имитирующие арфу, волнение как по волшебству исчезло. На смену ему пришли восхитительное спокойствие и подъем, точно она заразилась от Глеба его уверенностью и вдохновением.

Первая же взятая Ларисой высокая чистая серебряная нота доказала ей, что так и есть. Голос звучал как никогда, тело само находило естественные и грациозные позы, дышалось легко и свободно.

– Чудесно. – Лепехов дождался, пока в партии наступит пауза, и жестом указал Зине, что нужно прервать игру. – Дальше будем фантазировать. Ты поешь о юноше, которого встретила в церкви и увлечена им до потери чувств. Он только что почти признался тебе в любви и исчез. Так в оригинале. А мы представим себе по-иному. Герцог, изображающий из себя студента, Гвальтьера Мальде, не ушел, а лишь спрятался. Он дождался, пока нянька Джильды, прервавшая их свидание, выйдет из сада, и вновь появился перед девушкой. Но он уже слышал, как она мечтает о нем, и прекрасно понимает, что ни в чем не встретит отказа. Улавливаешь мою мысль?

– Не совсем.

– Ну как же! Разве ты не понимаешь, все это чушь, что Герцог соблазняет Джильду после похищения! Он овладевает ею гораздо раньше, еще в саду! Да-да, в саду, прямо на качелях.

Лариса мельком взглянула на Глеба. На его лице читалось изумление.

– Что ты смотришь, как баран на новые ворота? – взорвался Лепехов. – Подойди к ней! Да поближе, поближе, она не кусается!

Глеб, улыбаясь, приблизился к Ларисе почти вплотную.

– Ну и давай, действуй! Девушка только что мечтала о тебе! Начни ее раздевать, что ли!

– Прямо на сцене? – пробормотал Ситников.

– А где еще? – рассердился Лепехов. – Что вы будете делать вне сцены, меня не волнует. Интересно только то, что происходит во время спектакля. Давай, Зинуля, играй!

Зина ударила по клавишам, стараясь скрыть улыбку. По залу прокатился смешок, но Лепехов, обернувшись, сердито зыркнул на певцов.

– Как-то не ожидал я, что вот так буквально... – тихо сказал Глеб в самое ухо Ларисы.

– Не буквально, – в тон ему прошептала она, – просто обними меня. Это же театр, что тут такого? Ария кончится гораздо раньше, чем наши объятия перейдут во что-то более смелое.

В этот момент проигрыш кончился.

– Гва-альтье-ер Ма-альде-е, – запела Лариса и тут же почувствовала, как на ее голые плечи легли руки Глеба.

– О, дорого-ое и-имя!

Что с ней? Кажется, кружится голова и перед глазами пелена. За ней постепенно исчезает зал, Мила, Артем, Мишка Лепехов. Остаются только руки Глеба, нежные, теплые, сильные. Они все уверенней касаются тела Ларисы, отыскивают застежку спереди на сарафане, легко преодолевают преграды в виде маленьких матерчатых пуговичек. А она все продолжает петь, и ей кажется, что губы произносят не вымышленное, а настоящее имя...

...Нежная, страстная мелодия растаяла, отзвучал последний хрупкий аккорд.

Кажется, она даже глаза закрыла?

Лариса словно вернулась с небес на землю, выпрямилась, мягко отвела в сторону руки Глеба и вопросительно посмотрела на главрежа.

– Очень хорошо, – ласково проговорил тот. – То, что нужно. Учитесь импровизировать. Теперь отдохните, посмотрим Маддалену.

Лариса, не глядя на Глеба, спустилась со сцены и уселась в зале с остальными.

– Отлично пела, – тихонько прошептал Артем, – молодчина.

– Спасибо, – кивнула Лариса.

Она сидела между Глебом и Корольковым, чувствуя все нарастающее смятение. Артем, словно угадывая ее состояние, повернулся, внимательно глядя в Ларисино лицо. Ей стало неловко. Артем Корольков, старый друг, надежный и преданный человек. Интересно, видел он, что произошло с ней на сцене?

А что произошло? Она и сама толком не может разобраться. Знает лишь одно: никогда ни в одном из четырнадцати спектаклей, ни в одной эротической сцене она не теряла головы. А сегодня потеряла. Явно потеряла! И сейчас еще ее плечи и грудь хранят ощущение прикосновений Глеба, а в ушах звучит его голос. Бред какой-то.

– Ты опоздала, – так же тихо произнес Корольков. – Что-то случилось?

Лариса кивнула:

– Случилось.

– Что?

– Потом.

Воспоминания о сбитой девочке потускнели, померкли, ушли в глубину сознания. Тревожить их не хотелось. Хотелось думать о Глебе, о его объятиях под музыку Верди.

– Хорошо, – Артем послушно кивнул, – если понадобится помощь, скажи.

– Спасибо, Тема. – Лариса нашла огромную его ладонь, благодарно пожала и искоса взглянула на Глеба. Тот сидел в глубокой задумчивости, чуть щуря темные глаза и сцепив руки на коленях. Огорчен? Или презирает ее? А может, ему просто глубоко наплевать на все, что произошло, – роль как роль, и ничего больше.

На сцене Мила заливалась соловьем. По своему обыкновению, она была одета в короткие штаны-капри, подростковую майку с каким-то немислимым рисунком и напоминала не пышнотелую красотку-соблазнительницу, а Гавроша на французских баррикадах. Лепехов что-то внушал ей насчет выразительности жестов.

Обернулся Женя Богданов, бас, поющий в опере эпизодическую партию Марулло, придворного синьора, друга Герцога, и окинул Ларису и Глеба пристальным взглядом.

– Поздравляю, вы оба были неотразимы, – он подавил зевок. – Единственное, на что здесь стоило посмотреть с половины девятого утра.

Лариса усмехнулась. Глеб продолжал сидеть молча и неподвижно, будто уснув. Позади громко чихнул Костя Саприненко, бас, исполняющий роль наемного убийцы Спарифучиле. Мила допела и умолкла.

– Кажется, на сегодня все, – сказала Лариса.

Она не ошиблась. Мишка легко заводился, горел своими идеями ярко, но долго работать не мог, теряя продуктивность. Три часа были его пределом, после которого он скисал, становился вялым и наконец отправлялся в буфет пить кофе с бутербродами. Бутерброды эти Лепехов мог поглощать в невероятном количестве, и Ларису всегда удивляло, почему чудовищное Мишкино обжорство никак не отражается на его фигуре, состоящей сплошь из острых углов.

Так было и сейчас. Лепехов посмотрел в зал одуревшими глазами и устало махнул рукой:

– На сегодня все. Завтра собираемся в это же время. Попробуем пройти первое действие целиком. Всем спасибо и до свидания.

Народ с шумом поднялся со своих мест. К Ларисе подлетела Мила, на ходу взбивая свои пегие вихры.

– Это было нечто! – затараторила она, одновременно ухитряясь обнимать Ларису и пожимать руку Ситникову. – Ребята, о вас еще напишет пресса. «Новое слово в бессмертном творении Верди», – продекламировала она воображаемый газетный заголовок. – Тема, правда здорово?

– Лара всегда поет здорово, – пожал плечами Корольков.

– А молодой человек? – изумилась Мила. – Тебе не понравилось?

– Понравилось, – довольно сухо ответил Артем и, кивнув на прощание, поспешил к выходу.

Девушки удивленно смотрели ему вслед.

– Вы не обращайте на него внимания, – посоветовала Мила слегка растерянному Глебу, – он у нас всегда такой... немного замороженный, – она выразительно покрутила пальцем у виска. – Просто не умеет быть вежливым, разве что с Ларочкой, и все.

– Да я спокойно отношусь к комплиментам в свой адрес, – засмеялся Глеб. – Нравится, как я пою, прекрасно, нет – ничего не поделать.

– Нравится, всем нравится, не напрашивайся на похвалу. Ничего, если я на «ты»?

– Нормально, – Глеб рассеянно покосился в сторону.

– Ты куда-то спешишь? – спросила Лариса.

– Нет, скорее наоборот. Я бы хотел остаться, поговорить с режиссером. Так что не ждите. Завтра увидимся.

– Пока, – легко согласилась Мила и, подхватив Ларису под руку, потащила ее к двери.

– Подвезти тебя? – предложила та, садясь в машину.

– Нет, я заскочу к отцу. А то целую неделю не была, он небось и не обедал ни разу за это время.

Отец Милы был вдовцом и жил прямо напротив «Оперы-Модерн», ровно через дом. Она пару раз в неделю забегала к нему, убиралась в холостяцком жилище, готовила еду.

– Ну, давай, – Лариса помахала рукой. – Вечером звякни.

– Обязательно. А согласишься, я была права! Верно же, Ситников – настоящий шедевр природы!

Выражение «шедевр природы» было придумано самой Милой и применялось исключительно к мужчинам, способным вызвать у нее восторг.

– Иди ты, – делано засмеялась Лариса, чувствуя, как зреет в ней твердое решение. – Обыкновенный окающий нижегородец, приехавший в столицу за удачей.

– Ну уж не очень-то обыкновенный, – ехидно возразила Мила и зашагала к тенистому зеленому дворику.

Глава 4

Лариса проводила подругу взглядом, дождалась, пока та скроется между домами, достала из пачки сигарету и закурила. Курить много Лепехов категорически не разрешал, поэтому обычно Лариса довольствовалась тремя-четырьмя сигаретами в день. Но сейчас курить хотелось просто смертельно, и она решила нарушить распорядок. Жадно затягиваясь, девушка поглядывала из окна на дверь театра, откуда должен был появиться Ситников.

Постепенно вышли все певцы труппы, кто еще оставался в зале после ухода Милы и Ларисы. Лариса докурила, выбросила окурочек в окно, достала из сумочки пудреницу, помаду, не спеша подкрасилась и продолжала терпеливо ждать. Она твердо решила не уезжать без Глеба. То, что произошло с ней сегодня во время репетиции, не давало покоя.

Павел был единственным мужчиной, который мог вызывать в ней такой трепет. Полтора года, как он ушел, а душа все тоскует о нем, невольно сравнивая с бывшим мужем каждого любовника. Ей казалось, что тоска и одиночество будут преследовать ее вечно, до самой смерти.

И вдруг час назад она поняла, что это не так! Существует человек, способный заставить ее волноваться, смеяться, желать его. Да-да, страстно желать, умирать от волнения и в то же время сознавать, что ее интерес к Глебу не только плотский. Нет, это нельзя упустить. Пусть сегодня же вечером ее постигнет разочарование, но, по крайней мере, она будет знать, что не прошла мимо важного человека в своей жизни.

Из дверей театра показался Богданов, задержавшийся дольше всех. Он оглядел двор, заметил сидящую в машине Ларису, махнул ей рукой и заспешил к своей «десятке».

Через несколько минут на крыльцо вышел Ситников. Лицо его было мрачным и даже злым, совершенно не таким, как сорок минут назад.

«Что это с ним?» – удивилась Лариса, и тут же ее осенила догадка: наверняка Ситников обсуждал с Лепеховым гонорар за сольную партию. В театре платят не бог весть сколько, в основном народ работает за престиж и популярность. Труппу главреж подбирал долго и придирчиво, много людей за эти годы побывало на репетициях и ушло. Остались лишь избранные, те, для кого «Опера-Модерн» больше чем работа, – скорее сама жизнь.

Конечно, восходящая звезда Ситников наверняка жаден до денег. Ведь ему нужно закрепиться в Москве, стало быть, он рассчитывал на то, что его работа будет должным образом оплачена. И ошибся.

Лариса тихонько посигналила. Глеб поднял голову, оглядел двор, заметил ее за рулем «Ауди». Лицо его слегка просветлело, он подошел ближе:

– Отличная машина. Выглядит совсем новой.

– Ей семь лет, – улыбнулась Лариса. – Садись.

– Нам может быть не по пути, – неуверенно возразил Глеб, – я живу в Марьино.

– Это не имеет никакого значения, – спокойно проговорила Лариса, убирая сумочку с соседнего сиденья. – Мы поедем ко мне. Нужно же как-то отметить наше партнерство и начало сезона. Или ты против?

– Да нет, – пожал плечами Глеб, – не против.

Ни на его лице, ни в голосе Лариса не уловила особой радости. Он распахнул дверцу и уселся рядом с ней в уже знакомой позе: свободно уронив руки на колени и сцепив пальцы.

Она не могла до конца понять это его спокойствие, плавно и неуловимо переходящее то в безразличие, то, наоборот, в оживление и интерес. Что кроется за этим – только ли простота или умелая игра умного, тонкого и одаренного человека?

Ей хотелось разгадать его двойственность, докопаться до сути. Глеб становился интересней с каждой минутой.

Она крутанула руль, и автомобиль, сделав красивый вираж, плавно выехал на магистраль.

– Классно водишь, – уважительно заметил Глеб. – Давно за рулем?

– Год.

– Ничего себе! – Он присвистнул. – Я права получил лет пять назад, а до сих пор чувствую себя на водительском сиденье, точно на электрическом стуле. Прирожденная бездарность.

– У меня был хороший учитель, – просто сказала Лариса. – Правда, меня близко к машине не подпускал, но наблюдать за тем, как он водит, было увлекательней самого крутого шоу.

– Кто ж такой? – усмехнулся Глеб.

– Муж. Я села за руль спустя полгода, как он ушел, и оказалось, что водить машину проще простого. Он словно заложил в меня некую программу, и она сработала.

– Жаль, что в меня никто не заложил такой программы, – весело засмеялся Глеб, помолчал, внимательно разглядывая свои руки, а потом тихо спросил: – Он ушел от тебя к другой женщине?

– Просто ушел. – Лариса притормозила на светофоре и слегка обернулась к Глебу. – Он слишком близко к сердцу воспринимал мою работу в театре. Не мог понять, зачем мне все это нужно. Требовал выбрать: он или лепеховская опера.

– И ты выбрала оперу? – уточнил Ситников.

– Как видишь, – Лариса усмехнулась. – За тем перекрестком хороший магазин. Заедем? У меня дома в холодильнике только минералка.

Они вышли у небольшого, недавно отстроенного супермаркета, взяли бутылку французского шампанского, большую коробку фруктового мороженого, связку бананов. Обременять желудок более тяжелой пищей по случаю жары не хотелось, к тому же профессия приучила обоих быть весьма сдержанными в еде.

Дома Лариса сразу же положила шампанское прямо в морозилку, бананы нарезала кружочками, а моментально расплывшееся мороженое выложила на тонкие стеклянные блюдечки. Поставила всю эту красоту на расписной поднос и принесла в гостиную на низенький столик у дивана.

Глеб тем временем ходил по просторной двухкомнатной квартире, с любопытством оглядывая дорогой и нарядный интерьер, картины и фотографии, висящие на стенах, большой музыкальный центр новейшей модели, полки с дисками и аудиокассетами.

Лариса уселась в кресло, наблюдая за красивыми, гибкими движениями Глеба. В его пластике было что-то кошачье: одновременно расслабленность и упругость, странным образом сочетающиеся. Наконец он осмотрел все и сел напротив Ларисы.

– У тебя тут шикарно, – он сделал широкий жест, обводя комнату, – глаз радуется.

– Все это покупал муж. Из моего тут лишь кассеты и диски. Да еще пластинки там, в шкафу. Он все оставил, когда уходил.

– Какое благородство! – насмешливо заметил Глеб.

– Не знаю, – рассеянно проговорила Лариса, – я его об этом не просила.

– Когда мой папаша уходил от нас с матерью, он унес даже покрывала. – Глеб аккуратно взял блюдечко с мороженым и подцепил ложкой раскисшую розовую массу. – Мне было всего пять лет, но я хорошо запомнил. Мы сидели в голых стенах, и мать плакала. А я радовался, что не нужно будет застилать по утрам кровать. Очень вкусное мороженое.

Ларисе вдруг захотелось обнять его, погладить по голове, как ребенка. Она с трудом сдержала себя.

– Шампанское в морозилке сейчас лопнет! Я пойду достану, а ты возьми фужеры. Вон там, в стенке.

– Понял, – Глеб не спеша поднялся, подошел к сверкающей хрусталем горке.

Лариса принесла запотевшую, ледяную бутылку. Глеб отодрал серебряную бумажку, ловко и беззвучно вытащил пробку.

– За что пьем?

– За нас.

– Тогда за нас, – серьезно повторил Глеб и осторожно коснулся своим бокалом Ларисино. Хрусталь тихо и мелодично звякнул. Воцарилось молчание.

– Я хочу танцевать, – решительно сказала Лариса и щелкнула клавишей магнитофона. Над комнатой поплыл хрипловатый голос Патрисии Каас.

Лариса встала, держа фужер с недопитым шампанским за тонкую ножку и пристально глядя Глебу в глаза.

– Хорошая музыка. – Он сидел, удобно развалившись в кресле, похлопывая рукой по подлокотнику в такт песне.

– Тогда поднимайся, – она протянула руки, коснувшись его ладоней.

– Послушай, – Глеб крепко сжал пальцы Ларисы, продолжая сидеть, и слегка притянул ее к себе, – я не знаю, как у вас принято. Если мы по спектаклю любовники, то значит...

– Не будь занудой, – прошептала она, наклоняясь к нему, – у нас принято вот так...

Их губы встретились, руки Глеба обхватили Ларису за талию. Она почувствовала, как возвращается восхитительное ощущение легкости и гармонии, охватившее ее сегодня утром на сцене. Все кругом провалилось, исчезло в тумане, и лишь темные, ставшие бездонными глаза Глеба все приближались, точно магнитом притягивая Ларису к себе...

...Ей казалось, что давно настала ночь, черная, глухая, скрывшая их от всего мира, поглотившая посторонние звуки. Но когда она очнулась, за окнами было светло. Тихо, завораживающе пел магнитофон, на ковре лежал опрокинутый бокал и подсыхала маленькая лужица пролитого шампанского. На столике в блюдцах застыла розоватая жидкость.

– Мороженое растаяло, – тихо проговорила Лариса.

– Пусть, – Глеб улыбнулся, отвел с ее лица светлую прядь. – Джильда, вы неотразимы!

– Вы тоже, Герцог.

Оба засмеялись. Кассета, щелкнув, остановилась. Лариса села на диване, не отрывая глаз от красивого, безмятежного лица Глеба.

– Как ты поешь! Где учился?

– До шестнадцати лет нигде. Я оканчивал последний класс школы, когда моей тогдашней подружке пришла в голову идея, что она непременно должна стать оперной примой. Ее предки владели у нас в городе сетью продуктовых магазинчиков и зашибали приличные бабки. Поэтому в один прекрасный день моя герлфрендша заявила ко мне с толстым конвертом, полным баксов, и велела сопровождать ее на дом к профессору, у которого она якобы хочет прослушаться.

Мне тогда было совершенно все равно, где проводить время, и мы пошли. Профессор жил на окраине и оказался старым грибом, как в фильме «Приходите завтра!». Смотрела?

– Конечно, – Лариса улыбнулась. – Дальше что было?

– Дальше будущая Мария Каллас принялась распевать какие-то вокализы бедному дедку. Он слушал и морщился, точно от зубной боли. А я сидел в углу на диванчике и умирал со смеху.

Наконец старичок не вынес и стал горячо уговаривать мою подружку ни в коем случае не становиться певицей. Он говорил, что это черная, неблагодарная и безденежная работа, которая займет все силы и мало что принесет взамен, – Глеб вздохнул и усмехнулся. – Как он был прав, я узнал только теперь, спустя годы.

А тогда... тогда я не мог придавать серьезного значения его словам, настолько сам профессор выглядел чудаковатым и смешным. Подружка стала умолять его все же начать с ней заниматься и под конец сунула под нос пухлый конверт. Это решило исход дела. Бедный старик скривился, как будто слопал незрелую сливу, и согласился давать моей милой уроки два раза в неделю. Довольная, она собиралась уже уходить, но тут профессора что-то дернуло. То ли он

был зол на себя, что так легко купился за зелененькие, то ли музыкантское нутро ему что-то подсказало... Не знаю. Но вдруг он обратился ко мне:

– Молодой человек, а вы что же, не поете?

– Пою, – ответил я шутки ради.

– Ну так спойте, не стесняйтесь, раз уж все равно пришли.

Я петь всегда любил, но репертуар у меня был неподходящий для профессорского уха – одна попса да блатные песенки. Единственным, что хоть как-то подходило по ситуации, были «Подмосковные вечера» и «Джамайка» – мать с утра до вечера крутила пластинку Робертино Лоретти на нашем стареньком, раздолбанном проигрывателе.

Я изложил профессору свою «программу». Он милостиво согласился послушать. Я думал, он будет хохотать как безумный, но профессор, дождавшись, когда я закончу, почему-то закашлялся. Кашлял старикан долго, я уже испугался, как бы он не помер на наших глазах. Но тут он пришел в себя и предложил мне заниматься у него так же, как и моя подружка. Я возразил, что денег нет вовсе, но он огорошил меня, заявив, что будет учить бесплатно, причем не два, а три раза в неделю. Подружка от зависти позеленела: представь, она-то готовилась к этому визиту целый месяц!

– И ты согласился? – со смехом полюбопытствовала Лариса.

– Да. Мы занимались прилежно до самых вступительных экзаменов в Институт искусств. Потом я поступил, а моя соученица провалилась. Больше мы с ней не общались.

Старичок был чрезвычайно доволен, твердил что-то про связки, природное дыхание. Мне, честно говоря, это было до фени. Просто мать дома запилила, в аттестате одни тройки, а тут – возможность учиться в вузе, пусть и музыкальном, но все-таки!

Лишь отучившись год, я стал понимать, что к чему. Например, что мой смешной старичок – один из самых маститых вокальных педагогов в регионе. К нему отовсюду приезжали на прослушивание, но выбирал он очень немногих. Если ему предлагали деньги, брал без стеснения, а потом заваливал на вступительных точно так, как мою подружку. Он ничего не боялся – слишком важной фигурой был для города, своего рода местным достоянием.

Меня он учил с нуля. Я ведь даже ноты твердо не знал, не то что там четверти и восьмые! Об этом разговору не было. Одним словом, точно как Фрося Бурлакова.

Но он умел объяснять так, что все становилось ясно. Наверное, потому и стал таким знаменитым, что имел этот талант – в двух словах передать самую суть.

Третьекурсником я впервые принял участие в общегородском конкурсе и... победил. Потом был областной конкурс, за ним – региональный. И наконец, тот самый, последний... – Глеб замолчал, думая, вероятно, о чем-то своем. Потом он взглянул на часы. – Наверное, мне пора. Уже пятый час. От тебя до моего Марьяна наверняка не меньше полутора часов. Надо еще партию посмотреть и спать завалиться пораньше. Терпеть не могу рано вставать.

– Теперь придется. – Лариса прислонилась головой к его плечу, задумчиво глядя в потолок.

Глеб обнял ее, но потом тихонько отстранился.

– Пора.

– Остайся, – попросила она, – тебе незачем сейчас уходить.

– Вот так сразу?

– И до театра от меня гораздо ближе.

– Ну разве что... – он усмехнулся и поцеловал ее в губы...

Посреди ночи Лариса проснулась с давно позабытым ощущением покоя и тихой радости. Квартира преобразилась. Она больше не была пустой и холодной. Теперь каждый ее уголок наполнился уютом. Тем особым уютом, который тонко чувствует женщина, когда в ее жилище находится близкий мужчина.

Глава 5

– Это вроде кори, – определила Мила, – налетит, потреплет и отпустит. Главное, чтобы не было осложнений.

Они с Ларисой сидели в узенькой, тесной женской гримерке. Только что кончился пробный прогон первого действия, и Лепехов объявил получасовой перерыв, прежде чем перейти к более подробной работе над отдельными номерами.

За дверью в коридоре слышался шум, шаги, смех, а здесь, в гримерке, было тихо и, главное, прохладно – окна комнаты выходили в тенистый двор.

На повестке дня у девушек стояли ураганно начавшиеся отношения Ларисы с Ситниковым.

– Точно, корь, – тоном знатока заверила подругу Мила, глядя в зеркало и аккуратно стирая влажной ваткой потекшую от жары тушь.

– Старовата я для кори, – Лариса скептически поджала губы. – Знаешь, Милка, я ведь ничего не берусь утверждать. Не хочу высоких слов, меня от них тошнить начинает. Просто...

– Просто тебе классно, – улыбнулась Мила, оглядывая сияющее лицо подруги, – и это видно невооруженным взглядом. Что ж, дай, как говорится, бог! Если честно, я не сомневалась, что все будет именно так, еще до начала всяких репетиций.

– Неужели я настолько предсказуемая? – полушутливо обиделась Лариса.

– Да нет, просто я, в отличие от тебя, видела его по телевизору. Много раз. Мимо такого трудно проскочить, не заметив.

– А ты бы проскочила? – Лариса выжидающе глянула на Милу, сосредоточенно рассматривающую в зеркале свое отражение.

– Я? – Та обернулась, и выщипанные в ниточку брови удивленно взлетели. – Шутить? Мы в разных весовых категориях.

– Имеешь в виду возраст?

– Не только. Всякое. Нет, девушка, этот кадр персонально для тебя, у меня в этой жизни другие задачи. – Мила отвернулась к зеркалу, и Лариса увидела в отражении, как напряглось, словно застыло, ее лицо.

В дверь постучали.

– Девчонки, пора!

Кажется, это был Саприненко – его густой, раскатистый бас.

– Ты готова? – спросила Лариса, продолжая внимательно вглядываться в лицо Милы. Но оно уже стало прежним – веселым и беззаботным.

– Да. Пошли.

Все уже сидели в зале. На сцене под аккомпанемент Зины Глеб исполнял навязшее в зубах «Сердце красавицы склонно к измене», но делал это так непосредственно и вдохновенно, что Лариса невольно заслушалась.

Да, у него, несомненно, огромный талант. Не зря старик профессор взялся учить его «от сохи». Мила права – такого, как он, нельзя не заметить.

Она тихонько прошла в зал и села в предпоследнем ряду. Интересно, понимает Глеб, что никто из труппы в подметки ему не годится? Ну, может быть, это слишком, но то, что он однозначно лучше и профессиональнее солистов, много лет работающих в театре, факт! Бесспорный и всем ясный. Однако никаких замашек капризного солиста Ситников не проявляет. Выходит, звездная болезнь его еще не коснулась. Знать бы почему!

Глеб закончил арию, и, как вчера, зал разразился аплодисментами.

Лепехов светился от удовольствия. Он прослушал еще пару дуэтов, сделал Зине несколько замечаний по темпу и характеру аккомпанемента и отпустил всех до послезавтра.

Вторник был театральным выходным. Этот день Мишка Лепехов посвящал самостоятельной работе над произведением: запирался дома с клавиром и наушниками. Певцы занимались сами, иногда собираясь дуэтами или трио, либо просто подчищали интонацию, сидя за фортепьяно.

Едва Мила с Ларисой поднялись со своих мест и направились к выходу, в Ларисиной сумке запищал мобильник. Она отошла в сторону. Незнакомая женщина, приветливо поздоровавшись, представилась:

– Весняковская Татьяна Сергеевна. Лариса Дмитриевна, я следователь городской прокуратуры. Позавчера вы стали свидетелем дорожно-транспортного происшествия. Вести это дело поручено мне. Мы должны с вами увидеться. Вчера вечером я звонила, но никто не снял трубку.

Вчера, как только они с Глебом вошли в квартиру, Лариса отключила телефон.

– Да, – сказала она, – поняла вас. Когда я должна приехать и куда?

– Вам удобно через час? Тогда записывайте адрес. Вам будет выписан пропуск, так что обязательно возьмите паспорт.

Лариса, морщась от досады, записала улицу и номер дома и вежливо попрощалась. У нее были совсем другие планы на остаток дня. Впрочем, скорее всего, визит в прокуратуру не займет много времени. И ехать совсем недалеко.

К ней навстречу шел Глеб. Волосы его были влажными, видно, он только что освежился под краном. Глаза весело блестели.

Мила, стоявшая чуть поодаль и болтавшая с сопрано Ирой Смакиной, бросила на Ларису выразительный взгляд и, взяв собеседницу под руку, пошла к дверям.

– Ну, как твои ощущения? – улыбнулась Лариса. – Нравится петь у Лепехова?

– Даже очень. Ты домой?

– Нет. Нужно съездить по одному делу в прокуратуру. Слушай, ты можешь поехать туда со мной и подождать, пока я освобожусь? Это недолго. Не больше часа, а может, и того меньше. А потом... – она, слегка прищурившись, кокетливо поглядела на него, – мы могли бы сходить куда-нибудь пообедать и расслабиться. Как ты смотришь на такое предложение?

Глеб неопределенно пожал плечами:

– Если ты о ресторане, то я на нулях. К сожалению, не могу тебя пригласить никуда, разве что в «Макдоналдс».

– Только не в «Макдоналдс», – весело засмеялась Лариса. – Успокойся, я располагаю кое-какими средствами. Если не слишком шиковать, то на приличный вечер вдвоем вполне хватит. А потом, когда разбогатеешь, вернешь долг в виде такого же ужина.

Глеб натянуто улыбнулся и кивнул. В дверях показался Корольков. Он пристально оглядел зал и направился прямо к ним.

– Уходишь? – Он явно продолжал не замечать Ситникова, обращаясь к одной лишь Ларисе, несмотря на то что они стояли рядом.

– Ухожу. Ты что-то хотел?

– Я? Нет, ничего... – Артем на мгновение замялся и покосился на Глеба. – Пока. – Он повернулся, но вдруг остановился и снова обернулся к Ларисе: – Лепехов велел нам с тобой порепетировать. Дуэт из первого действия и, если успеем, второе. Ты как завтра?

– Нормально.

Глеб медленно направился к дверям, и Лариса нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– О'кей. Позвони завтра, ладно, Тема?

– Конечно. С утра?

– Можешь с утра. – Она приветливо кивнула Королькову и побежала вслед за Глебом.

Лариса нагнала его уже на выходе, взяла под руку, но, прежде чем она вышла в коридор, что-то заставило ее обернуться. Артем так и стоял там, где они только что разговаривали, внимательно и напряженно глядя ей вслед.

...Машину пришлось припарковать на платной стоянке – просто так в центре встать было некуда. Лариса захлопнула за собой дверцу, сунула в окошко Глебу ключи:

– Держи. На случай, если надоест сидеть и вздумает пройти погулять.

– Да нет, – возразил тот, лениво развалившись в кресле. – Я лучше посплю.

– Не выспался? – Лариса ласково провела рукой по его волосам.

– Да уж. Сама знаешь, кто в этом виноват. – Глеб поймал ее руку и слегка сжал. – Ладно. Только давай быстрее, а то здесь самое пекло, поджарюсь, тебя ожидаючи.

– Я мигом.

Татьяна Сергеевна Весняковская оказалась весьма приятной дамой, почти Ларисиною возраста, может, чуть постарше. Она сидела за столом в просторном кабинете на третьем этаже. На ней было легкомысленное, открытое платье, что удивило Ларису, ожидавшую увидеть наглухо застегнутый форменный ворот и погоны на плечах.

Как и предполагала Лариса, беседа со следователем получилась короткой. Весняковская попросила ее еще раз повторить рассказ о том, как была сбита девочка, поинтересовалась, не видела ли Лариса в момент происшествия рядом других машин, подробно расспросила про зеленого краба на лобовом стекле и этим удовлетворилась.

Говорила Весняковская неторопливо, при этом ее симпатичное, немного одутловатое лицо с крупными веснушками на переносице оставалось спокойным и бесстрастным. Тщательно зафиксировав слова Ларисы в протоколе, она вежливо поблагодарила ее и пообещала, если понадобится, вызвать на следующей неделе.

Выйдя из кабинета, Лариса с облегчением вздохнула, стараясь прогнать тяжелые воспоминания, которые пробудила в ней беседа со следователем. Ей удалось это лишь отчасти, и то потому, что в машине ждал Глеб. Лариса вздохнула и поспешила вниз по лестнице.

Глеб не спал, вопреки своему обещанию. В руке он держал трубку сотового телефона. Очевидно, разговор был серьезный, потому что Ларису, подошедшую сзади, он не заметил, продолжая сосредоточенно слушать собеседника. Выражение его лица Ларису удивило и испугало – оно было точь-в-точь таким же мрачным и угрюмым, как вчера, на ступенях театра после репетиции. Глеб увидел ее, слегка вздрогнул от неожиданности и почти сразу же нажал на отбой, не попрощавшись.

– Кто это? – с тревогой спросила Лариса.

– Да так, – он недовольно отмахнулся, – квартирная хозяйка. Решали кое-какие проблемы, – Глеб отвел глаза в сторону.

Лариса поняла, что он врет – явно, неприкрыто и, что всего неприятнее, неумело.

В сердце тут же проник противный холодок. Что, собственно, она о нем знает? Они знакомы второй день, а она уже выдумала целую легенду про него и его тяжелую жизнь, не может ни о чем другом думать. Право, стоит остановиться, пока не поздно, поглядеть на все трезво, открытыми глазами.

Глеб спрятал телефон в карман, откинул со лба темную прядь волос и сладко потянулся.

– Минут пятнадцать я все-таки поспал, – он улыбнулся ясно, открыто, чуть с озорством – как могут улыбаться только дети. – Ну, так мы едем куда хотели или нет?

Лариса почувствовала, как знакомо и сладко начинает кружиться голова.

«Корь, – подумала она. – Мила права, это корь! Только бы без осложнений!»

Глава 6

Ему опять снился этот странный сон. Как всегда, он начинался со смутного, неопределенного ощущения тревоги. И как всегда, невозможно было понять, откуда грозит опасность. Он не мог предугадать ее, хоть и старался изо всех сил, напрягал волю, упорно вглядываясь в зыбкую темноту сновидения.

И оттуда, из мрака, ему навстречу вновь выплывало то лицо. Лицо, которое, наверное, будет видаться ему до самой смерти и никогда не оставит в покое.

Эти странные, затуманенные глаза, тонкие, пересохшие, вытянутые в ниточку губы, бледный лоб, покрытый испариной... Постепенно чернота вокруг тает, превращаясь в серый песок, бесконечный, безграничный, покрытый оспинами начинающегося дождя. Болезненным изломом на мокром песке неловко вывернутая рука, бессильно вытянутые ноги в черных ботинках.

Видение становится ярче и отчетливее, точно хорошо выдержанная в проявителе фотография. Все реальнее взгляд страшных, пустых глаз, неотвратимей кривая улыбка.

Он хочет что-нибудь сделать, со всей силы ударить кулаком по этому лицу, смять, растерзать тшедушную, жалкую фигуру, скрючившуюся на мокром песке. Но руки словно свинцом налиты, и нет ни малейшего шанса сделать хотя бы крошечное движение. Все тело немеет, голос застревает глубоко в горле. Он знает, что произойдет дальше, и это приводит его в такой ужас, что становится невозможно дышать. Опять на его глазах в бесчисленный раз свершится кошмар, и опять он не в силах остановить его!

Последняя, безнадежная попытка хотя бы закричать. Получается слабый, едва слышный стон...

...Артем открыл глаза и услышал его, свой стон, и еще какой-то странный, жалобный, тихий звук. Он с трудом повернул голову вправо: рядом с тахтой на ковре сидела Степанида, огромная ротвейлерша, и едва слышно поскуливала. Преданные карие глаза смотрели на Артема с невыразимой любовью и состраданием.

Он пошевелил затекшими руками.

– Ну, Стеша, перестань, все в порядке. Знаю, я тебя напугал. Сейчас встану, и мы пойдем гулять.

При слове «гулять» собака вздрогнула, коротко гавкнула и стремительно завертела хвостом.

– Сейчас, Стеша, сейчас, девочка...

Надо подняться. Снова начать собирать себя по частям. Что поделаеть, в августе он всегда видит этот сон и уже привык к этому, научился бороться с собой. Только вот зачем? Не лучше ли было бы однажды просто не проснуться?

Стеша взвизгнула и облизала Артему ладонь. Он медленно поднялся с низкой тахты, стараясь ступать твердо и уверенно, прошел в ванную. Включил на полную мощность кран с холодной водой. Глянул в зеркало.

Белый как мертвец, а глаза – красные, воспаленные. Да, Артем Владимирович, так, пожалуй, и до Кашенко недалеко!

Он попробовал усмехнуться, но лицо точно маска стянула. Артем глубоко вздохнул, зачерпнул полную пригоршню воды и умылся. Подумав секунду, он сунул голову под ледяную струю.

Сначала помогло. Тело сразу стало оживать, кожа обрела пластичность, руки и ноги – силу. Однако минут через пять тяжесть вернулась. Артем побрел на кухню, достал с полки наполовину пустую бутылку коньяку, налил и выпил залпом одну за другой две стопки, не закусывая. Средство было проверенным и помогало в девяноста случаях из ста.

Он осторожно прислушался к себе: кажется, и на этот раз помогло. Артем нерешительно глянул на остатки коричневой жидкости в бутылке, потом закрыл ее и вернул на место. Две стопки – норма, а больше – это уже смахивает на алкоголизм, тем более с утра.

Слава богу, сон преследует его не ежедневно или ежемесячно, а всего раз-другой в году и только в августе. А то он бы давно сошел с ума. Впрочем, Артему и одного раза вполне хватает...

Стеша терпеливо сидела рядом, и лишь смешной тонкий хвост, который ротвейлерам полагается отрезать, легонько бил по полу, демонстрируя истинное состояние ее собачьей души. Артем залез в холодильник, достал кусок колбасы, масло, сделал себе пару бутербродов, а остатки отдал Стеше, хотя миска ее была с вечера полной. Для Степаниды ничего не жалко, она – единственное близкое Артему существо, с тех пор как четыре года назад умерла мать.

– Уже идем, – пообещал он собаке и отправился в комнату. Через три минуты Артем вышел оттуда в джинсах и футболке, снял с крючка в прихожей поводок и надел на шею собаки, повизгивающей от нетерпения.

Теперь он был почти совсем спокоен. Не в его правилах жаловаться или роптать. Сон снится ему затем, чтобы он не забывался. Да он и так все хорошо помнит и ни на что не надеется. К вечеру полностью вернется в свое обычное состояние спокойной безнадежности. Артем – просто робот, которого окружающие по ошибке принимают за человека. Робот, умеющий лишь выполнять свои функции, но у него никогда уже не будет никаких человеческих чувств...

Артем нагнулся, чтобы зашнуровать кроссовки, и тут его что-то забеспокоило. Нечто мешало полному возвращению в роботообразное состояние. Какая-то крамольная, вольнолюбивая мысль. Он попробовал уцепиться за нее, но мысль ускользала, не давалась.

Отчаявшись понять себя, Артем махнул рукой, поднялся и открыл дверь. Стеша ураганом вынеслась на площадку. Он вышел следом, вставил в замок ключ и тут же понял, о чем подсознательно думал все время с момента пробуждения.

Лариса. Она обещала, что сегодня будет репетировать с ним, попросила позвонить. Как он мог об этом забыть! Вот что мешает ему снова стать полностью замороженным, окончательно уйти в себя.

Значит, сегодня у него будет праздник. Тайный, маленький, но праздник.

Артем решительно распахнул так и не запертую дверь и вернулся в квартиру, не обращая внимания на залившуюся возмущенным лаем Стешу. Прямо в кроссовках зашел в комнату, снял телефонную трубку, набрал номер. В ответ раздались длинные, тягучие гудки.

Нет дома? В такую рань?

Артем нажал на рычаг и снова накрутил диск. Он насчитал девять гудков, но упорно не вешал трубку. Наконец в телефоне что-то щелкнуло, и далекий тихий голос произнес:

– Я слушаю.

Он не сразу ответил, и Лариса повторила громче:

– Але! Говорите!

– Это я. Привет.

– Артем, ты? – Голос был веселый, вовсе не сонный. Значит, не разбудил. – Тебя едва слышно, – сказала Лариса. – Как дела?

– Нормально.

– Ты, как всегда, очень разговорчив, – она засмеялась, слишком громко и чересчур звонко, как показалось Артему.

– Ты не забыла? – медленно проговорил он. – Мы хотели встретиться, порепетировать.

– Что? – переспросила она, все еще со смехом. – Репетировать? А, ну да, конечно. Я что-то позабыла... подожди...

– Я подожду, – согласился Артем.

– Да нет, – мягко ответила Лариса, – это я не тебе... Послушай, – в ее голосе послышалась неловкость, – давай в следующий вторник, ладно? Или в пятницу после прогона. А то сегодня никак... – в трубке раздался треск и невнятный шепот.

– Хорошо, – спокойно сказал он. – Тогда в следующий вторник. Как настроение?

– Отличное, – она вздохнула с явным облегчением.

Артем давно уже все понял.

– Ну пока, – сказал он в трубку, – до завтра.

– До свидания, Темочка. Ты не волнуйся, если Лепехов будет приставать, вали все на меня. Я сама с ним объяснюсь.

– Хорошо.

Он повесил трубку. Что ж, с праздником не вышло. А на что он, собственно, надеялся? Разве могут у него быть какие-то праздники? Остался только августовский сон, вечное напоминание о его вине, страшной, непоправимой, которую он сам себе никогда не простит.

Глава 7

Глеб уехал от Ларисы во вторник вечером.

Накануне они чудесно провели время в недавно открывшемся ресторанчике-погребке неподалеку от ее дома. Она давно уже присмотрела это милое и уютное заведение и пару раз бывала здесь одна – ужинала, пила кофе. Ей нравилось тут все: и обслуживание, умелое и ненавязчивое, и приличная публика, и интересно составленная развлекательная программа, а главное, вполне приемлемые цены.

Лариса и Глеб просидели в погребке почти до полуночи, а потом отправились к ней домой. Ночь получилась бессонной, сумбурной и сумасшедшей, как и предыдущая. Однако к утру Лариса чувствовала себя свежей и бодрой как никогда.

Она приготовила легкий завтрак, который был уничтожен с завидным аппетитом. Затем часа два они с Глебом откровенно валяли дурака, изображая совместные сцены из разных действий и пытаясь фантазировать, как бы трактовал их Лепехов. То, что получалось, кажется, превосходило самые смелые режиссерские замыслы.

Вдоволь напевшись и насмеявшись, они прогулялись до магазина, купили кое-что к обеду и продолжили веселое добровольное затворничество.

Словом, полтора дня пролетели как на крыльях. Около семи вечера Глеб засобирался домой. Лариса хотела было удержать его, но он неожиданно проявил непреклонность, сказав, что его ждут важные дела.

Спорить с ним она не стала, но, лишь только захлопнулась дверь и в квартире впервые за три последних дня наступили тишина и безмолвие, Ларису охватила тоска. Чтобы избавиться от нее, она с энтузиазмом принялась за хозяйственные дела.

Пять лет жизни с Павлом, более всего любившим и ценившим уют и комфорт, сделали из Ларисы отменную чистюлю. В общем-то, она и сама не терпела беспорядка в квартире, невымытых полов, пыльной мебели. Сейчас, увлеченно орудуя шваброй и пылесосом, до блеска натирая зеркало и кафель на кухне, Лариса чувствовала даже некоторое удовольствие. Ее радовало сознание того, что она не сидит бесцельно, в унынии ожидая, когда наступит завтрашнее утро и можно будет вновь увидеться с Глебом, а занята полезным делом, незаметно поглощающим время, оставшееся до их встречи.

Поздно вечером, когда все вокруг блестело, а в крышку кастрюли можно было наблюдать за своим отражением, Лариса все-таки не выдержала и набрала номер Глеба, наспех записанный им перед уходом, но ей никто не ответил. Мобильного номера она не спросила, поэтому надежду поговорить с ним пришлось оставить до утра.

Перед тем как лечь, Лариса все-таки позвонила ему еще раз, но телефон по-прежнему молчал. Это было неприятно, потому что свой уход Глеб мотивировал именно необходимостью быть вечером дома. Ей сразу вспомнились таинственный разговор по сотовому в машине и та поспешность, с которой он нажимал на кнопку сброса, не желая, чтобы она слышала, о чем он говорил.

Но ведь полтора дня Глеб был с ней рядом, они смеялись вместе, ели и пили, были одной плотью и кровью, и ничто не стояло между ними! Ничто! Так стоит ли быть подозрительной, разыскивать его, шпионить, точно стерва-жена за неверным мужем? Тем более что Глеб ей вовсе не муж. Да ей и не нужно, чтобы он был им. Достаточно того, что дни пролетают как во сне и хочется, чтобы поскорее наступило завтра.

С этой мыслью Лариса уснула. Спала она крепко, без сновидений, честно отсыпаясь за предыдущие ночи.

Глава 8

Утром ее разбудил не будильник, а телефонный звонок. «Глеб!» – первое, что она подумала спросонья, поспешно вскочила и схватила трубку.

Но это оказался не Глеб. Звонил Павел. Скучным, будничным голосом, каким он всегда говорил с Ларисой после своего ухода, сообщил, что находится сейчас поблизости и минут через двадцать зайдет за какими-то книгами, оставшимися на антресолях. Спросил, не возражает ли она против его раннего визита.

Лариса не возражала. С тех пор как они развелись официально, Павел заходил сюда, в свою прежнюю квартиру, раз пять или шесть. Кое-какая его одежда так и лежала в шкафу на верхних полках, пересыпанная шариками нафталина. Остались старые, ненужные бумаги и документы, которые Лариса не стала выбрасывать, а Павел не спешил забирать, пара папок с любительскими рисунками – в свободное время он увлекался живописью и неплохо рисовал с натуры.

Каждый из визитов бывшего мужа был серьезным испытанием для Ларисиных нервов. Он заходил в прихожую, и дом сразу преображался, словно радуясь возвращению настоящего хозяина. Оживали картины, мебель, безделушки на высоком дубовом комод, каждая со вкусом продуманная деталь интерьера – все это они покупали вместе, радуясь как дети удачным приобретениям, придавая значение всякой смешной мелочи.

Лариса с трудом сдерживала себя, чтобы привычно не выбежать навстречу, не прижаться щекой к его щеке, не разреветься от одиночества и тоски и одновременно от радости, что он пришел и снова здесь, стоит рядом, и куртка на нем все та же, серая, из тонкой, вкусно пахнущей кожи. Но она молча стояла на пороге гостиной, улыбалась приветливо и сдержанно, наблюдала, как Павел своей обычной уверенной походкой двигается по комнатам, спокойно и даже весело отвечала на его вопросы о том, как она живет. Потом она неизменно предлагала ему выпить кофе, и он всегда отказывался, глядя при этом куда-то в сторону. На этом его визит заканчивался. Он уходил, коротко и сухо попрощавшись, а она оставалась. Пару раз он поинтересовался, не нужны ли ей деньги, и если да, то пусть не стесняется и в любой момент обратится за помощью.

Ей нужны были не его деньги, а он сам. Только Павел и то время, когда они были так счастливы, оба учились в институтах и он встречал ее вечером на Арбате. А потом они долго гуляли по бывшему Калининскому, по набережной, и Ларисе жутко хотелось мороженого, а было нельзя, потому что садились связки и преподавательница ругалась. И тогда Павел покупал-таки ей это мороженое, они ехали домой и долго растапливали его в блюдечке, пока не получалась белая сладкая жидкость.

Не было тогда ни обид между ними, ни ссор, ни этих ужасных бесконечных выяснений отношений, не надо было выбирать: любимый человек или любимая работа...

После таких посещений Лариса неделю чувствовала себя больной, разбитой, раздражалась на всех и даже на Лепехова, злиться на которого было практически невозможно. Потом постепенно все проходило, и жизнь возвращалась в привычную колею.

...Лариса взглянула на часы: ровно восемь. До ухода в театр оставалось чуть больше полутора часов – Лепехов стал человеком и назначил репетицию на четверть одиннадцатого. Что ж, у Павла в распоряжении будет достаточно времени.

Она вдруг с удивлением обнаружила, что думает о нем не так, как всегда, а совершенно спокойно и отстраненно, даже с некоторой досадой за то, что он разбудил ее в такую рань.

Прежде такого никогда не было. Когда бы Павел ни пришел, Лариса всегда тайно ждала этого момента, дорожила каждой минутой его пребывания рядом. Почему теперь все изменилось? Неужели благодаря Глебу? Не может быть, ведь она знает его всего три дня!

Не переставая удивляться себе, Лариса быстро собралась, позавтракала и в ожидании Павла снова попробовала дозвониться Глебу. Трубку по-прежнему никто не брал, из чего она заключила, что дома он не ночевал либо уже выехал в театр. Второе было маловероятным, учитывая его нелюбовь к ранним подъемам.

Павел пришел ровно через двадцать минут после своего звонка, демонстрируя тем самым всегда присущую ему пунктуальность. Лариса открыла дверь, внимательно прислушиваясь к себе. Боли не было. Как и волнения, тоски, – вообще ничего. Перед ней стоял чужой человек, совершенно ей безразличный, который не вызывал никаких эмоций. Единственное ее желание – чтобы он поскорее забрал то, что ему нужно, и ушел, а она наконец поехала бы на репетицию, увидела бы там этого несчастного вруна, и пусть посмеет не сказать ей, где ошивался весь вечер и ночь!

– Ты опять не поставила машину в гараж, – вместо приветствия произнес Павел.

Он еще воспитывать ее будет с утра пораньше! Лариса вызывающе скрестила руки на груди.

– По-моему, это теперь моя машина, – холодно проговорила она. – Я не могу каждый вечер ехать в гараж, а потом тащиться до дому пять остановок на автобусе. К тому же не забывай, что утром мне надо будет проделать тот же путь, но в обратном направлении. И вообще, здравствуй для начала!

– Здравствуй, – невозмутимо кивнул Павел, проходя в коридор. – Машина, безусловно, твоя, и ты вольна делать с ней что пожелаешь. Но я бы на твоём месте не был столь ленивым и ездил бы пять остановок до гаража и обратно. Это лучше, чем добираться своим ходом.

– Что ты хочешь сказать? – не поняла Лариса.

– Только то, что ночью какой-то гад свинтил с твоей старушки оба передних колеса, – он сочувственно посмотрел на ее вытянувшееся лицо и прибавил: – Придется покупать. Я попробую заняться этим завтра.

– Не надо, – Лариса уже овладела собой, – куплю сама.

– Брось, Лара, к чему этот выпендрег? – Павел снял ботинки и прошел на кухню. – Это не женское занятие.

– Значит, этим займется мужчина, – спокойно сказала Лариса, проходя за ним следом. – Дать стремянку?

– Спасибо, я и с табуретки достану, – Павел потянулся к дверцам антресолей, расположенных в стене над притолокой. – И что, достойный мужчина?

– Достойный для чего? – саркастически уточнила Лариса. – Чтобы колеса поставить?

– Да нет, вообще.

– А это, прости, не твое дело, – она улыбнулась и подошла к плите. – Хочешь кофе?

– Да нет, спасибо. – Павел уже вытащил с полки то, что искал: связка книг оказалась прямо под рукой. Он захлопнул дверцы антресолей, спрыгнул вниз, стряхнул пыль с верхнего переплета – Я пойду. Может, тебя подвезти?

– Нет.

– Ну, как знаешь. – Он прошел обратно в коридор, не спеша натянул ботинки, распахнул дверь. – Ты сегодня какая-то странная. Давно это с тобой?

– Недавно, – сказала Лариса, глядя на него в упор и наслаждаясь ощущением свободы и независимости. Пройдено. Забыто. Ушло. И никогда больше не будет беспокоить. – Пока, – она кивнула и, не дожидаясь, пока он захлопнет дверь, прошла в комнату.

В окно четвертого этажа хорошо был виден двор и красная «Ауди». Под ее днище кто-то заботливо подложил две аккуратные стопочки кирпичей. «Сволочи! – подумала Лариса, с грустью глядя на бедную обездвиженную машину. – Теперь придется брать частного, иначе на репетицию не успеть».

За спиной грянул телефон. Господи, ну кто еще с утра пораньше?!

– Але! – сердито сказала Лариса.

– Еще не уехала?

Она едва не подскочила. Наконец-то! Легок на помине.

– Ты откуда? Из дома? Где был весь вечер? Я тебе звонила.

– Нет, я не из дома, – Глеб слегка понизил голос. – А что, соскучилась?

– Еще чего! Очень надо!

– А я – да. Слушай, подхвати меня на машине у Садового кольца в районе Павелецкой.

Через полчаса успеешь?

– Нет, не успею, – ехидно ответила Лариса, – у меня колеса свистнули, целых два. Так что придется тебе своим ходом, не обессудь!

– Елки зеленые! И как ты теперь?

– Как все. Возьму тачку.

– Ну ясно. Тогда знаешь что... Я слегка задержусь, а ты Лепехову скажи, чтоб не волновался, я приеду обязательно, только чуть позже. Заберу из сервиса свою развалюху.

– Какую еще развалюху?

– Машину.

– А у тебя есть? – удивилась Лариса.

– Купил, как приехал в Москву, у одного знакомого. Всю конкурсную премию на нее грохнул, а она два дня поехала и встала. Пришлось чинить. Вчера еще готова была, да я поленился забрать. А сегодня придется, раз такое дело. Только до театра я, так уж и быть, доеду как-нибудь, а назад ты меня повезешь. Идет?

– Идет, – засмеялась Лариса, – смотри не грохни свой автомобиль. Москва – не Нижний Новгород.

– Все будет нормально, – успокоил Глеб, – сервис почти рядом с театром. До встречи!

– Счастливо!

Лариса повесила трубку и, подхватив сумочку, поспешила к двери.

Глава 9

Она все же опоздала, хотя и несильно: застряла в пробке на кольце. Водитель, бело-брысый парень, то и дело выключал двигатель, раздраженно поглядывая в окно на скопление машин.

Лепехов, однако, на ее опоздание никак не отреагировал. Он был полностью поглощен сценой Спарафучиле и Мадалены – той, в которой красотка уговаривает своего брата-бандита пощадить Герцога и убить вместо него первого встречного, кто войдет к ним в дом.

На сцене стоял необъятных размеров стол. За ним, понурившись, сидел Саприненко – Спарафучиле, с ног до головы закутанный в черное. На столе в весьма фривольной позе полулежала Мила. Лепехов носился вокруг них, то приседая на корточки, то, наоборот, вытягивая шею и поднимаясь на цыпочки. Он смахивал на фотографа, получившего возможность сделать уникальные кадры.

Зина тихонько наигрывала аккомпанемент, Мила и Костя подавали свои речитативные реплики, которые Лепехов то и дело прерывал своими указаниями.

– Мила, руку! – просил он, приближаясь к столу справа. – Руку подними. Выше, еще выше! Вот так, хорошо. Костя, не веселись! Тебе деньги заплачены за убийство, ты честный бандит и должен их отработать! Просьба сестры для тебя – что острый нож. А ты ухмыляешься как придурок!

– Так он и есть придурок, – возразил Саприненко. – Бандюга, что с него взять!

– Э нет, – запальчиво заспорил Лепехов. – Это нынешние бандиты сплошь придурки бритоголовые. А в те времена профессия наемного убийцы требовала недюжинного ума. Трудно свой хлеб добывал человек и репутацией опять же дорожил! Вот так, Костик. Поэтому давайте все сначала, и посерьезней. Мила, старайся быть поэротичнее.

Мила со стола поглядела в зал на вошедшую подругу и скроила такую физиономию, что Лариса невольно прыснула. И тут она увидела Артема. Он сидел у самой сцены в первом ряду и, обернувшись, смотрел на нее спокойно и внимательно, точно чего-то ожидая. Лариса вспомнила, как нахально профилонила вчера их репетицию, и ей стало стыдно. Сама она не помнила, что плела по телефону, ведь рядом стоял Глеб и шептал ей на ухо всякую чепуху.

Она потихоньку, стараясь ступать бесшумно, пробралась к первому ряду, поздоровавшись с Артемом, и села рядом.

– Ты еще не пел?

– Еще нет, – он улыбнулся. – Кажется, Костян сейчас Мишу укокошит. Он его достал с этой бандитской честностью до печенок, вся сцена на три минуты, а они репетируют полчаса.

Саприненко действительно злился. Он больше не улыбался, а угрюмо смотрел куда-то вбок, мимо Милы, тщетно воссылающей ему свои мольбы о пощаде Герцогу.

Лариса собралась было тихонько засмеяться, но вдруг остановилась, пораженная тем, что увидела на сцене. Перед ней действительно был Спарафучиле – не примитивный бандит-качок, а страшный наемный убийца, углубленный в себя, усталый, непоколебимый. С потемневшим, каменным лицом, сгорбившись, он восседал за столом, вполуха внимая просьбам Мадалены.

Воистину Лепехов был гениален и знал, чего хотел. Кажется, и Корольков заметил трансформацию Саприненко – он молча глядел на сцену, не говоря больше ни слова.

Лепехов, достигнув цели, застыл у кулис, и Костя с Милой допели до конца в полной тишине.

– Ладно, – махнул рукой Мишка, – годится. Пойдет. Давайте теперь беседу Риголетто и Джованни. Артем, Ирочка, идите сюда!

Корольков и Ира поднялись на сцену, и началась столь же длительная работа над эпизодом, где Риголетто строго-настрого наказывает служанке беречь Джильду как зеницу ока.

Тихо скрипнула дверь в коридор. Лариса быстро обернулась: в зал вошел Глеб, и она вздохнула с облегчением. Все время, что шла репетиция, Лариса никак не могла побороть волнение за него: как он доедет до театра по московским улицам с их сумасшедшим движением?!

Она незаметно поманила Глеба рукой. Тот подошел, сел возле Ларисы, потихоньку взял ее руку, повернул ладонью вверх.

– Вот, держи.

В ладонь уютно улеглась связка ключей от машины.

– Заводится с полоборота, – похвастался Глеб, – но как вы тут ездите, ума не приложу. Дважды чуть не врезался, пока доехал.

– Глеб! – крикнул со сцены Лепехов. – Ну-ка подпой Ирине. Там, где ты ее хочешь подкупить, чтобы она привела тебя в сад к Джильде. Давай поживее!

– Ну вот, – тихо проворчал Глеб, неохотно поднимаясь с места, – вздохнуть спокойно нельзя.

Однако на сцену к Артему и Ирочке он вышел, как всегда, веселый и улыбающийся.

Лариса в который раз за эти дни наблюдала, как при первых же звуках его голоса невольно подтягивались, оживлялись все певцы труппы, и те, что сидели в этот момент в зале, и те, которые были на сцене. Она была почти уверена, что следующей Лепехов попросит выйти ее, и чувствовала нетерпение. Ей как никогда хотелось петь. Быть на сцене рядом с Глебом, слушать, как сплетаются воедино их голоса, полностью перевоплотиться в свою героиню, юную, страстную, влюбленную...

– Лара! – вкрадчиво позвал Лепехов.

Как хорошо, что на свете есть Мишка, его «Опера-Модерн», музыка Верди, такая простая и волнующая...

И снова они с Глебом репетировали сцену в саду на качелях, а потом Лариса пела одну свою арию из второго действия и слушала, как поет Глеб. Лепехов почти не делал им замечаний – он молча стоял у края сцены, и лицо его было сосредоточенным и удовлетворенным.

Такой удачной репетиции Лариса не помнила. Прошло без малого три часа, а об усталости не было и речи. Наоборот, голос все набирал силу, словно открылось второе дыхание. Довольный Мишка использовал посетившее актеров вдохновение на полную катушку и ухитрился прогнать два действия целиком.

– Если так дальше пойдет, – пропыхтел он в конце, вытирая пот, стекавший по лбу, – через недельку можно будет подключать оркестр и переходить в концертный зал.

Работа на сегодня закончилась, Лепехов отправился в свой любимый буфет восполнять потерянные калории, а труппа поспешила на выход.

Глеб потянул Ларису в коридор:

– Пойдем скорее, покажу тебе мою красавицу. Она у меня как новенькая, даром что пять лет откаталась.

– Подожди, – попробовала задержаться Лариса. – Я с Милой сегодня парой слов переброситься не успела. Да и вообще, не попрощалась ни с кем. Куда так спешить?

– Никуда. – Глеб быстро оглянулся по сторонам, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на беспокойство.

Лариса удивленно покосилась на него, но нет, лицо Глеба уже стало по-прежнему веселым и беззаботным. А может, ей вообще показалось?

– Хорошо, идем, – неожиданно для себя проговорила она и первая вышла из зала, так и не простившись с ребятами.

– Ключи у тебя? – спохватился Глеб, когда они уж спускались со ступенек кинотеатра во двор. – Не потеряла?

– Да здесь они. – Лариса на ходу раскрыла сумочку, вытащила ключи и нащупала на брелоке кнопку сигнализации. – Ну, показывай, где твое приобретение.

– Вот.

Ей показалось, что она раздвоилась и видит себя словно со стороны: вот она продолжает идти к машине, улыбаясь Глебу и болтая о всякой ерунде. Нажимает на кнопку, залезает в салон, удобно устраивается на мягком велюровом сиденье. Вставляет ключ, плавно трогает педаль газа, пристально смотрит в зеркальце заднего вида.

А в это время другая она стоит на месте как вкопанная, не в силах шевельнуться, и широко открытыми глазами смотрит туда, куда указал ей Глеб: на жемчужно-серебристый «Опель» с торчащей позади антенной. Он совсем близко от нее, всего в пяти шагах, и Лариса отчетливо видит фары, похожие на квадратные глаза, чисто вымытое лобовое стекло. И висящего над самым рулем малахитово-зеленого краба с огненным взглядом.

Почему она молчит? Почему не закричит, не повернется, не побежит прочь?..

– Осторожней! – Глеб перехватил руль из ее рук, и Лариса увидела, как в полуметре от корпуса машины проскользнул большой раскидистый тополь, стоящий во дворике театра. – Нет, зря я тобой так восхищался. Перехвалил.

– Прости. – Она вырулила на улицу. – Что-то в глазах рябит.

– Перепела, – засмеялся Глеб и обнял Ларису за плечи. – Ну что, хорошо идет, верно?

– Неплохо. Когда ты приехал в Москву?

– Что?

– Я говорю, как давно ты в Москве? Неделю?

– Нет, конечно. Почти три. Сразу после конкурса рванул, как только Лепехов позвонил.

– И машину купил три недели назад?

– Практически да. А что? Почему тебя это интересует?

Краб мерно покачивался, поблескивая красными бусинками. Глупо было спрашивать. И так все ясно.

– Ты никому не давал водить в последнее время?

Последняя надежда: вдруг за рулем в тот день был не он? Кто-то другой, с такими же черными, до плеч, волосами? Ну вдруг?

– Говорю ж тебе, она два дня поездила, и все. Стояла у меня во дворе, а неделю назад я ее в сервис отвез. Кому я мог ее давать?

Врет! Снова врет. Еще бы ему не врать! Сбил ребенка – и удрал как последний трус. Ничтожество, подонок!

– Ты какая-то странная, – Глеб попытался заглянуть ей в лицо.

Она уже сегодня это слышала. Черт возьми, куда она его везет? К себе домой? Зачем?

– Может быть, ты все-таки поговоришь со мной? Эй! Язык проглотила?

Только не смотреть на него, не оборачиваться. И голоса его не слышать. Пусть замолчит. Может быть, если она не будет ему отвечать, он замолчит?

– Ну и крыса ты, Лариса!

Она незаметно смахнула навернувшиеся на глаза слезы. Машина въезжала во двор ее дома.

– А у меня колеса не упрут? – забеспокоился Глеб, оглядывая пострадавший Ларисин автомобиль.

– Надеюсь, что нет. – Она, не оборачиваясь, зашла в подъезд. Какое счастье, что на лавочке нет Галины Степановны, только беседы с ней сейчас не хватает.

Щелкнул замок. Вспыхнул свет в просторной прихожей.

– Ну поцеловать-то тебя, по крайней мере, можно?

Что ж, кто-то ведь и в тюрьму ездит на свидания, и любит сидящих там бандитов, воров и убийц. Целует их, обнимает, спит с ними.

– Пойдем в комнату, – шепнул Глеб ей на ухо. – Не будь такой замороженной! Похоже, ваш Лепехов из тебя последние соки выжал...

За стеной у соседей на полную громкость врубился телевизор. Слов не разобрать, в комнате долетал лишь неясный, монотонный вой. Было сумрачно, несмотря на шесть часов вечера: на улице наконец разразился грозовой ливень, по оконному стеклу струились водяные потоки.

Лариса долго, не отрываясь, смотрела на лежащего рядом Глеба. Он спал тихо, дыхание его было спокойным и ровным, как у ребенка. Она последний раз взглянула на него и осторожно слезла с дивана.

Зашла на кухню, прикрыла распахнутую настежь форточку, взяла полотенце и вытерла со стола капли дождя. Сверкнула молния, и почти сразу же за окном грохнуло. Эпицентр грозы был совсем рядом, во дворе под ветром в три погибели гнулись деревья.

Лариса налила в стакан воды из чайника, села за стол, сделала глоток и поморщилась: вода была теплой и противной на вкус.

Что-то надо делать. Но что? Поехать в прокуратуру к Весняковской, сообщить ей: она, Лариса, знает, кто убийца девочки? И навсегда лишиться того, что приобрела за эти сумасшедшие дни? Нет, она не сделает этого. Сегодня Лариса поняла, что он значит для нее, этот человек, который сейчас мирно спит в ее постели. Человек, в один момент излечивший от тоски по ушедшему мужу, сделавший ее жизнь яркой и радостной, как в ранней юности.

Потерять его? Ни за что! Лучше уговорить себя, что он не так уж и виноват – не справился с управлением, испугался ответственности. Кто ж ее не боится? Кому хочется сидеть в тюрьме? Никому. А ему особенно. Он должен быть на свободе – петь, радовать людей своим голосом, делать карьеру. «Шедевр природы»!

Лариса с горечью усмехнулась. Знала бы Мила, как оказалась права! Похоже, она действительно упала к ногам Глеба. И подниматься не хочется, ну нисколечко.

Лариса вздохнула, выпила залпом весь стакан, сполоснула его под краном. Вернувшись в комнату, она легла рядом с Глебом и аккуратно отодвинула у него со лба темные волосы. Ссадина уже зарубцевалась, но все еще была заметна. Та самая, якобы от удара о дверцу шкафа в ванной. На самом деле Глеб разбил голову, упав на руль от сильного толчка машины. И капот «Опеля» свежевыкрашен. Как раз то место, которое ударило несчастную девочку.

Глеб во сне заворочался, открыл глаза, сонно взглянул на Ларису.

– Уже утро?

– Нет, еще только вечер. Ты просто уснул посреди бела дня.

– А что так гудит?

– Это дождь. Гроза. Спи. – Лариса обняла его, словно пытаясь закрыть, заслонить от всего мира, от его собственного страшного проступка, от реальности, которой отныне она объявила войну.

Глава 10

Одна за другой пролетели незаметно две недели. Репетиции набрали обороты, и спектакль зрел в рекордные сроки, обещая быть готовым к началу сентября. Лепеховское рвение невольно увлекло всех. Работали, не считаясь с усталостью, практически без выходных, отпевая в день по четыре-пять часов вместо положенных трех.

Артем все больше проникался образом, который создал ему Лепехов. Первоначальное раздражение на главрежа прошло, роль стала понятной и удобной, как много раз ношенная одежда. В таких случаях вокалисты говорят про партию, что она впета.

Но сейчас Артем осознавал, что партия не просто хорошо, крепко выучена. Она была прожита, прочувствована до самой мельчайшей подробности, до деталей.

Артему нравилось, что Лепехов отошел от традиционной трактовки Риголетто как уродливого, мерзкого, старого шута, отвратительного в своей злобе на весь мир и проявляющего человеческие стороны натуры только по отношению к собственной дочери, Джильде. В постановке «Оперы-Модерн» главреж приблизил Риголетто к другому персонажу того же Гюго, по драме которого Верди написал свою знаменитую оперу, Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери». Именно его свойствами, в том числе и внешними, наделил Лепехов Риголетто в исполнении Королькова. Не хилый злобный старец, а мрачный, угрюмый великан, отгороженный от людей стеной непонимания, собственным уродством, таинственный, пугающий своей фантастической силой и в то же время скрывающий в глубине души преданность и нежность. Именно таким виделся Лепехову главный герой Верди, и таким он больше всего подходил самому Артему, с его почти двухметровым ростом, развитой мускулатурой и немногословностью, которую правильнее было бы назвать молчаливостью.

Словом, Артем увлекся и с головой ушел в работу. Тот сон больше не повторялся, и он почти совсем успокоился. Утром и днем пропадал в театре, по вечерам долго гулял со Стешей, беседуя с ней о том о сем и, в частности, о своей роли. Ротвейлерша внимательно слушала, помахивая сохранным хвостом и время от времени отвечая хозяину негромким гавканьем. Такой диалог вполне устраивал обоих.

Единственным, что вызывало у Артема негативные эмоции, было присутствие на репетициях Ситникова. Он и сам не мог объяснить себе, почему его так раздражает этот «плейбой», как с первого дня знакомства Артем окрестил Глеба. Не признать, что поет новый тенор великолепно, Корольков не мог, – не глухой же он, в самом деле, слышит, какой у парня голос. Дай боже каждому, явный талант, спору нет. Да и характер Ситников имел уживчивый, не выпендривался перед остальными солистами труппы. Он был достаточно уважителен к театральным «старичкам» – так в молодежной «Опере-Модерн» называли тех, кому за сорок: Саприненко, Славу Медведева, второго баритона, меццо-сопрано Ольгу Ковалеву и еще пару человек. Чрезмерным зазнайством Глеб тоже не страдал, и поэтому причин для плохого к нему отношения у Артема вроде бы не имелось. И тем не менее, только Ситников появлялся в репетиционном зале, Артем испытывал тягостное чувство, вызывавшее в нем стыд и отвращение к себе. В глубине души он прекрасно знал, в чем истоки его неприязни к партнеру.

Отношения Глеба с Ларисой давно перестали быть тайной. Они приезжали в театр вместе, так же уходили домой, в перерыве часто стояли в коридоре, обнявшись или просто сидели рядом, тихонько беседуя о чем-то своем. Ни удивления, ни осуждения это ни у кого не вызывало: роман между певцами, исполняющими главные лирические роли, – вещь естественная и закономерная.

И однако именно из-за нее, Ларисы, Артем терпеть не мог Ситникова. Он упорно не желал себе в этом признаться. Ревность? Ерунда, какая у него может быть к ней ревность,

если нет ничего? Никаких отношений, ни полслова намеков, ничего. Просто дружба, хорошая, крепкая, какая иногда возникает между коллегами.

Да и вообще, о чем говорить! Ревность – это чувство, страсть. Совсем не по его адресу. У него, Артема, никаких чувств нет и быть не может. Все осталось там, в далеком прошлом, в котором не было августовского сна, одиночества, разговоров со Стешей. И нечего сопли распускать, все равно не поможет.

Так Артем убеждал себя, и ему это почти удавалось. Почти – потому что какая-то часть его рассудка все-таки противилась этим уговорам.

Так или иначе, Артем старался избегать Ситникова, разговоров с ним и даже к Ларисе подходил, только когда Глеба рядом с ней не было. Сам же Глеб, наоборот, стремился сойтись с Артемом поближе, и это раздражало Королькова еще больше.

На одной из репетиций Глеб проявил особую настойчивость в стремлении завязать с Артемом беседу. Во время перерыва Артем и еще несколько певцов сидели за столиком в буфете и не спеша пили кофе. Глеба среди них не было. Он вошел десятью минутами позже, один, без Ларисы. Очевидно, та осталась в гримерке приводить себя в порядок перед новым выходом на сцену: репетиции теперь шли в костюмах и почти полном гриме.

Глеб взял себе чашку кофе и направился напрямик к компании. Тон за столом задавал Саприненко, известный любитель анекдотов, смешных пикантных историй и вообще наиболее разговорчивый из всех собравшихся. Костя пересказывал очередной курьез из своей богатой любовными приключениями личной жизни. Остальные вяло и молча внимали ему, поглядывая каждый в свою чашку. Байки Саприненко многие слышали уже не один раз. Кроме того, все устали от многочасового пения в душных костюмах и жары, которая так и не проходила, а, казалось, становилась только сильнее с каждым днем.

Глеб пододвинул к столику соседний стул, втиснулся между Артемом и Медведевым, поющим в опере графа Монтероне, проклятье которого оказалось пророческим для Риголетто. Саприненко, обрадовавшись новому слушателю, удвоил свои усилия, прибавляя к рассказу новые красочные подробности. Глеб, которому вокал давался поразительно легко за счет природного широкого дыхания, выглядел намного свежее других и стал с готовностью смеяться над Костиными прибаутками, периодически пытаясь втянуть в беседу сидящего слева от него Артема.

Тот на обращенные к нему реплики Ситникова отвечал односложно – «да» и «нет». Однако Глеб и Костя разошлись не на шутку, заразили своим весельем Медведева, и вскоре за столом раздавалось буйное ржание. Теперь все трое травили анекдоты, один другого похабней, сами же хохотали над ними и разрабатывали идею, не взять ли прямо сейчас по пятьдесят граммов по случаю жары и нечеловеческой усталости.

Артем отвернулся от Ситникова и перехватил угрюмый взгляд Женьки Богданова, направленный на ребят и Глеба. Видимо, его тоже коробило от такого неумного, фонтанирующего смеха. Евгений вообще был Артему симпатичен – такой же молчаливый, как и сам Корольков, Богданов всегда выделялся среди певцов труппы колоссальной начитанностью. Он мог наизусть сыпать цитатами из книг практически любого писателя, будь то Пушкин, Булгаков или современный автор. Когда он что-нибудь рассказывал, слушать его было крайне интересно. Но случалось это довольно редко: обычно Богданов сразу после репетиций уходил, вежливо попрощавшись со всеми, а во время перерывов сидел в зале с книгой или журналом. Иногда они с Артемом перекидывались партией в шашки, причем Богданов неизменно побеждал.

В «Риголетто» Евгению досталась лишь эпизодическая роль, но, несмотря на это, он присутствовал в зале на всех репетициях, тем самым вызывая у Артема уважение. Немного нашлось бы людей, которые, будучи лишь частично заняты, согласились бы ежедневно посещать театр без обид и амбиций по поводу того, что им не хватило сольных партий.

Евгений еще пару минут послушал застольную беседу, а затем встал, вынул сотовый и отошел в сторону, к окну. Артем, оставшийся один среди общего веселья, почувствовал себя совсем скованно и поспешил вслед за Богдановым.

Тот уже набрал номер и ждал ответа. Артем, чтобы не мешать, направился к буфетной стойке за новой чашкой кофе. В принципе, он знал, кому звонит Богданов. В Астрахани у него жила одинокая больная сестра, и Женя поддерживал с ней связь почти ежедневно. Раз в месяц, а то и чаще Богданов встречал на вокзале поезд из Астрахани. С проводником сестра пересылала в Москву мелкий товар, закупленный у себя в городе оптом по знакомству или со скидкой. Он предназначался для продажи в столице, где все идет втридорога. Богданов забирал присланное сестрой у проводника, в свою очередь, отдавал ему деньги, вырученные за продажу предыдущих вещей, а новую партию реализовывал в течение месяца с помощью знакомых торговки на рынке.

Артем догадывался, что суммы, посылаемые в Астрахань Евгением, несколько превышают истинную стоимость сестрино товара, и считал, что Богданов поступает абсолютно верно и благородно. Пусть больная пожилая женщина думает, что ее не содержат Христа ради, а лишь помогают достойно существовать. Сам Артем на месте Жени, наверное, поступал бы точно так же, будь у него хотя бы один близкий человек, о котором можно позаботиться. Но такого человека у Артема не было, поэтому он относился к родственной миссии Богданова с большим уважением.

Буфетчица, совсем юная девица с шикарной рыжеватой косой, перекинутой через плечо, и ярко подведенными глазами, протянула Артему стоящую на блюдечке чашку:

– Пожалуйста, ваш кофе.

Он поблагодарил, взял чашку из наманикюренных рук девицы и вернулся к окну. Богданов действительно говорил с сестрой.

– Я слышу. Поезд пятьдесят седьмой, вагон третий, прибывает в Москву в девять ровно. – Богданов сделал пометку ручкой в раскрытом на подоконнике блокноте. – Проводницу зовут Валя. Да, понял, понял, не Галя, а Валя. Валентина. Не беспокойся, все будет в порядке. Береги себя. О'кей, пока.

Он нажал на кнопку и спрятал телефон. Артему показалось, что Евгений выглядит усталым. Лицо его было чуть желтоватым и осунувшимся, под глазами залегли синяки.

– Какая сегодня духота, – пожаловался Богданов, видя, что Артем смотрит на него с сочувствием, – а тут еще правый бок прихватило с самого утра. Так и тянет прилечь, а нужно еще на вокзал ехать после репетиции.

Теперь, внимательно приглядевшись к коллеге, Артем ясно увидел, что белки глаз Богданова слегка желтоваты.

– Не тошнит? – спросил он Евгения, ставя чашку на подоконник.

– Поташнивает, – признался тот. На лбу у него выступила испарина.

– Тебе нужно срочно лечь. И хорошо бы вызвать врача, – сказал Артем.

– Обойдется, – отмахнулся Богданов и взялся за подоконник, – не впервой.

– Не обойдется. Это печеночный приступ, возможно, разлилась желчь. И температура может подскочить в любой момент.

– Ты прямо как доктор. – Богданов криво, через силу усмехнулся. Видно было, что ему на самом деле очень скверно, – рука, вцепившаяся в подоконник, слегка подрагивала, губы пересохли, в лице не было ни кровинки. – Откуда ты знаешь, что это именно печень?

– Знаю, – спокойно проговорил Артем. – И еще кое-что: если сию минуту не вызвать «Скорую», то часа через три, возможно, придется тебя оперировать.

– Тьфу! Типун тебе на язык, – проворчал Богданов, однако слова Королькова его явно озадачили. – Вообще-то я и правда расклеился. – Он оторвал руку от подоконника и попы-

тался сделать шаг навстречу Артему, но тут же сморщился от боли и пошатнулся. Корольков подхватил его под руку и подвел к ближайшему столику.

– Все, я вызываю «неотложку». Присядь пока.

Богданов послушно опустился на стул, прижимая ладонь к правому боку.

Пока Артем по телефону вызывал «Скорую», вокруг столпился народ. Все наперебой интересовались, что случилось, сочувственно качали головой, давали советы. Кто-то раздобыл таблетку эссенциале и пытался всучить ее Богданову со стаканом воды.

– Ничего не нужно, – Артем решительно отодвинул от Евгения руку, протягивающую новомодное лекарство. – Единственное, что можно в таких случаях, – стакан минеральной воды. Боржоми, например.

Буфетчица с рыжей косой, услышав его слова, тут же открыла бутылку и принесла наполненный до краев стакан. Богданов отпил несколько глотков и помотал головой:

– Больше не могу, а то сейчас вывернет наизнанку.

– Больше и не надо, – успокоил его Артем.

«Скорая» приехала через полчаса. Врач, сухопарая носатая женщина предпенсионного возраста, мельком оглядела Богданова, пощупала ему живот и, подтверждая диагноз, поставленный Артемом, проговорила:

– Спазм желчного пузыря. Нужно в больницу. Денька три отлежитесь, а там как пойдет.

После того как «неотложка» укатила, подняв клубы пыли, Артем немного постоял во дворе, глядя вслед удаляющейся машине, а потом отправился обратно в зал, где Лепехов уже начинал прогон третьего действия.

Первой шла сцена у дома Спарафучиле, в которой Риголетто и пришедшая с ним Джильда тайком наблюдают за неверным Герцогом, явившимся на свидание к красотке Маддалене.

Артем и Лариса отошли на авансцену, а возле длинного стола происходило объяснение Герцога с Маддаленой, то есть Глеба с Милой.

Зина, аккомпанировавшая сегодня в последний раз перед тем, как ее заменит оркестр, перевернула очередную страницу и заиграла вступление.

Артем поглядел на стоящую рядом Ларису. Она едва заметно улыбнулась. На мгновение Артему показалось, что в глубине ее глаз затаилась какая-то тень, то ли печали, то ли тревоги. Он попытался приглядеться пристальней, но в это время наступил его черед петь. После нескольких реплик Риголетто, обращенных к дочери, в квартет вступали Герцог и Маддалена. Глеб, прохаживаясь взад-вперед перед столом, начал уверять Милу-Маддалену в своей любви и верности.

– «Вижу, сударь, без сомнения, вы смеетесь надо мною!» – кокетливо вертеться перед ним, запела Мила.

– «То же мне твердил, неверный!» – вплела в ансамбль свою партию Лариса, не отрывая глаз от Глеба, теперь уже обнимающего Милу за талию.

Артема вдруг охватило странное ощущение того, что происходящее сейчас на сцене вовсе не спектакль, не вымысел, не прихоть композитора и режиссера, а сама жизнь. Жизнь, в которой рядом с ним страдает Джильда-Лариса, по которой играючи скользит повеса Герцог-Глеб, где неумело, оттого грубо и жалко пытается завлечь мужчин Мила. И где сам он, Артем-Риголетто, наблюдает за этим с тайной болью, не в силах что-либо изменить или исправить. Он даже зажмурился на мгновение, до того ярким было это чувство, и допел до конца на автопилоте.

Квартет закончился. Артем по очереди оглядел его участников. Да нет, кажется, у него от жары крыша поехала. Обыкновенные люди, усталые, выложившиеся, которые только что сыграли свои роли. Просто роли, не более того.

Однако до конца действия его продолжала преследовать непонятная, смутная тревога.

Наконец репетиция подошла к концу. Артем проводил взглядом Ларису и Глеба, покидающих зал в обнимку, постоял немного и побрел на выход. У дверей его догнала Мила.

– Домой?! – то ли спросила, то ли объявила она.

– Домой.

– Поехали вместе.

Они были соседями, жили почти в одном дворе в рядом стоящих домах.

Мила уютно ухватила Артема под руку – она с трудом доставала ему до плеча. Они вышли в холл, Милены каблук гулко зацокали по плиточному полу.

– Что там стряслось с Богдановым? – Она, не останавливаясь, на ходу взглянула в зеркало, быстрым жестом взбила прическу. – Говорят, что-то ужасное?

– Приступ холецистита. Думаю, через неделю он окончательно оклемается.

– Говорят, ты его чуть ли не спас! Ты что, разбираешься в медицине?

– Да нет, просто имею в таких делах кое-какой опыт.

Мила уважительно покивала.

Разбирается ли он в медицине! Еще бы ему не разбираться, когда... Впрочем, откуда все они могут знать? Незачем вспоминать, все это осталось там, в другой жизни, до того как было бледное лицо на мокром песке...

Подошел троллейбус. Салон был почти пустым, лишь на двух передних сиденьях развалилась подвыпившая компания подростков, две девчонки и трое парней. Все пятеро громко гоготали, ребята нещадно матерились, девчонки пронзительно визжали. Парни с вызовом оглянулись на вновь вошедших, но, оценив рост и комплекцию Артема, не стали нарываться и слегка поутихли.

Мила, как всегда, болтала, не требуя от собеседника ответных реплик, что было очень удобно. Артем слушал ее вполуха, погружившись в свои мысли.

Жарко. Стеша, наверное, совсем измучилась. И соскучилась. Уже вторая неделя, как он возвращается домой лишь к вечеру. Целый день собака дома одна. Сегодня ей будет небольшой презент – в перерыве Артем взял в буфете говяжьей вырезки на смену вечному сухому корму...

Почему Лариса так смотрела тогда, во время вступления к их квартету? Ведь у них с Ситниковым, кажется, все на пятерку с плюсом. Отчего же это смятение в глазах? Или все-таки показалось? Наверное, показалось...

– ...надо на вокзал, – громко закончила Мила фразу, начало которой он не уловил. – Там хороший курс почти всегда. Ведь правда?

– Правда, – подтвердил Артем, вовремя догадавшись, что она говорит про обменный пункт. Слово «вокзал» вызвало в нем какую-то неясную ассоциацию. Странно, вроде у него не было никаких дел, связанных с этим местом.

Троллейбус сильно тряхнуло на повороте, девчонки завизжали громче. А, понятно, в чем дело! Это же Богданову надо было на вокзал. Он собирался встретить поезд. Артем даже номер его помнил – пятьдесят седьмой. И вагон – третий. Проводница Валя напрасно будет ждать, что за переданным товаром кто-то придет. Женьке сейчас явно не до сестриных тряпок или что там она посылает брату в столицу.

Внезапно Артему пришла в голову мысль, что он вполне мог бы выручить Богданова. В самом деле, не возвращаться же передаче обратно в Астрахань! Времени уйма, поезд приходит только в девять вечера, а сейчас всего шесть. Он все успеет. Побывает дома, покормит Стешу, погуляет с ней и сгоняет на вокзал. Что еще ему делать? Дома сидеть весь вечер, снова думать о Ларисе и Глебе? Лучше провести время с пользой.

Он довел Милу до ее подъезда, за всю дорогу сказав не более десяти слов. Однако она отнюдь не выглядела обиженной: чмокнула Артема в щеку на прощание, повернулась и побежала к двери. А он зашагал к себе домой.

Намеченный в троллейбусе план Артем выполнил полностью. Нарезал мясо аппетитными ломтями, устроил Стеше пир. Потом долго гулял с ней по округе, стараясь компенсировать свое длительное отсутствие. В половине восьмого он поджарил себе яичницу, выпил чаю и ровно в восемь уехал на вокзал.

Поезд уже стоял на платформе, грязный, с покрытыми пылью оконными стеклами. Пассажиры только что вышли. На полу опустевших тамбуров валялся мусор, бумажки, бутылки. Проводники стайками стояли у вагонов, некоторые нетвердо держались на ногах.

Артем отыскал третий вагон. Рядом с ним никого не было. Он зашел внутрь. Купе проводников было заперто, из крана напротив капал кипяток, занавеска на ближнем окне сорвалась и висела боком.

Артем прошелся по коридору, на всякий случай заглядывая в раскрытые двери купе. Там тоже было пусто. Так и не найдя Валу, он снова вернулся на платформу и направился к группе проводников, стоявших у первого вагона.

Их было четверо. Усатый мужик средних лет курил, то и дело сплевывая себе под ноги. Рядом белобрысый парень тискал тощую крашеную девицу в мятой голубой форме со съехавшим набок галстуком. Чуть поодаль, но явно принимая участие в общем разговоре, стояла другая девушка, стройная высокая брюнетка. В отличие от своей товарки, вид она имела подтянутый и аккуратный.

Артем понадеялся, что черноволосая и есть Валя, которая отошла от своего вагона к друзьям.

– Ребята, – обратился он к расслабляющейся компании, – не подскажете, где можно найти проводницу третьего вагона? Ее Валентиной зовут.

Брюнетка и ухом не повела. Зато тощая девица оживилась. Она оттолкнула белобрысого, норовившего залезть ей под блузку, и поглядела на Артема из-под густо и неряшливо накрашенных ресниц.

– Валька-то? Пойдем отведу. Да пусти ты, козел белесый! – цыкнула она на бесцеремонного ухажера. – Пардон, это я не вам! – Крашеная улыбнулась, обнажив полный рот сверкающих металлических зубов, и, слегка пошатываясь, зашагала по платформе в хвост поезда. Блондинистый приятель тощей девицы рассеянно и тупо поглядел ей вслед, негромко икнул и, переместившись вбок, ухватил за грудь черноволосую подружку своей прежней пассии.

Артем невольно усмехнулся и поспешил за своей провожатой.

– Тебе Валька зачем сдалась? – на ходу оборачиваясь, любопытствовала та, кокетливо стреляя в Артема глазами, под одним из которых отчетливо проступал запудренный фингал. – Знакомый будешь ей или кто?

– По делу, – коротко пояснил Артем.

– По какому такому делу? – захохотала девица, замедляя шаг и пристраиваясь сбоку. – Ладно дуришь-то! В поезде, что ль, познакомились? Я Вальку знаю, ей всегда везет на знакомства. Вон, глянь, какого отхватила! – Она снова захохотала, и Артему стало ясно, что девчонка пьяна в доску, хоть каким-то невероятным образом держится на ногах.

– Далеко еще? – Он забеспокоился, что крашеная с пьяных глаз позабыла, куда идет. – Где ж она пропадает, ваша Валентина? Ей положено в третьем вагоне быть.

– А здесь! – насмешливо и с вызовом проговорила девица и указала на последний вагон. – Обожди, щас! – Она постучала кулаком по плотно занавешенному окну. Спустя несколько секунд одна из шторок приоткрылась, и в окне показалось девичье лицо.

– К тебе, – прокричала крашеная, сложив ладони рупором.

На лице девушки отразилось удивление. Она махнула рукой, приглашая подождать. Шторка упала.

– Видал, чем твоя знакомая занята? – развязно поинтересовалась тощая. – Это она с Лехой, бригадиром поезда. Теперь морду ей набьешь или как?

Почему-то Артема задело то, с какой легкостью и даже радостью крашенная закладывает подругу. Девушка в окне показалась ему вполне приличной. Лицо симпатичное, слегка ошалевшее, почти детское.

– Слушай, – обратился он к золотозубой проводнице, – тебя как звать?

– Вика, – с готовностью ответила та.

– Так вот, Вика, шла бы ты по своим делам. За то, что проводила, спасибо, а на все остальное зря надеешься. Я девушкам морду не бью. Ясно?

– Вполне, – хихикнула она.

– Чего смешного? – Артем улыбнулся: уж больно комично выглядела тощая размалеванная Вика.

– Да так. Представила себе... Такой, как ты, если двинет, небось костей не соберешь. Надежно с тобой девчонкам-то, как за каменной стеной.

Артем почувствовал, что от этих мимолетных слов гулко застучало в висках. Как она его! В самую точку, сама того не желая! Гнилая оказалась стена, вовсе не каменная, не надежная. Ну и хватит об этом!

В тамбуре показалась Валя. Вблизи она выглядела еще миловидней – прямые русые волосы до плеч, серые глаза, редкие веснушки на курносом носу. Она одернула форму, легко и мягко спрыгнула с подножки.

– Вы ко мне?

– Я за посылкой. – Артем сделал шаг к ней навстречу. На Валином лице отразилось удивление.

– За посылкой? Вы?

– Ну да. Ведь вам передавали посылку из Астрахани?

Валя на секунду заколебалась, словно прикидывая что-то в уме, а потом неуверенно сказала:

– Мне описывали другого человека. Не вас.

– Тот, про кого вам говорили, должен быть ниже ростом, темноволосый, чуть постарше меня. Он заболел, попал в больницу. Я его знакомый.

– Я должна отдать ящик вам? – В глазах проводницы мелькнуло что-то, похожее на испуг. «Бойтся, что ей не заплатят за работу», – догадался Артем.

– Да, отдайте посылку мне. Мы обо всем с вами договоримся. Где находится ящик? Тут?

– Нет, он у меня в купе. В моем вагоне. Вам придется подойти со мной, одной мне не дотащить, он тяжелый.

– О чем речь!

Артем покосился на Вику, увлеченно слушавшую весь его разговор с Валею, и двинулся обратно к головному вагону. Молоденькая проводница молча шла рядом, время от времени бросая на Артема настороженные взгляды. Поравнявшись с третьим вагоном, девушка вынула из кармана форменной блузки ключ, вошла внутрь и отперла закрытую дверь купе.

– Вот, – она кивнула на внушительных размеров картонный ящик, стоявший на полу, под нижней полкой.

– Спасибо, – Артем нагнулся и вытащил посылку из-под сиденья.

Весила она будь здоров, тащить такой груз в общественном транспорте ему совершенно не хотелось. Придется брать машину.

Девушка стояла у окна купе, скрестив руки на груди, и по-прежнему молчала, выжидающе глядя на Артема. Он спохватился, полез в карман, достал бумажник, вынул оттуда три сторублевые купюры и протянул проводнице:

– Возьмите, это вам за хлопоты.

Валя слегка попятилась, лицо ее вытянулось, глаза растерянно заморгали.

«Мало, что ли?» – удивился Артем и прибавил к трем бумажкам четвертую.

– Пожалуйста, возьмите, – он почти насильно вложил в ее ладонь деньги. – Еще раз спасибо и до свидания.

– До свидания, – почти шепотом проговорила Валя, глядя на Артема странно округлившимися глазами.

Он поудобней перехватил ящик и вышел из вагона.

Чудная, однако, девчонка. Может, Богданов платил проводникам больше? Хотя вряд ли: какая это работа, чтоб за нее много получать? Ну взяла коробку, провезла ее в своем купе. Разве это хлопоты?

Артем не спеша пересек привокзальную площадь и вышел на улицу, по которой неслись машины. Ему пришлось пройти немного вперед, чтобы миновать зону, где висел знак, запрещающий остановку. Достигнув места, где можно было беспрепятственно тормознуть частника, Артем наконец скинул на землю свою ношу.

Сзади кто-то легонько тронул его за плечо. Он обернулся: рядом стояла Валя. Она была все в той же короткой форменной серой юбке, но вместо блузки с погончиками успела надеть открытый бирюзовый топик. Серые глаза смотрели на Артема пристально и решительно.

– Что-нибудь случилось? – Он с удивлением оглядел девушку.

– Нет, ничего, – она улыбнулась. – Просто... захотелось вас догнать.

– Зачем? – спросил Артем и понял, что выглядит как идиот.

– Ну, я подумала... – Валя замялась, но взгляда не отвела. – Хорошо бы... кто-нибудь показал мне Москву. Я ведь первый раз здесь. Работаю недавно. У нас всего сутки свободные, – она снова улыбнулась, мягко, обезоруживающе.

Вообще она была славная, эта Валя, совсем еще молоденькая и какая-то трогательная. Обижать ее не хотелось. Почему не показать столицу-матушку, раз уж и так сегодняшний день полон приключений?

– Предложение принято. – Артем улыбнулся ей в ответ. – Только есть два «но».

– Какие? – Она испуганно вскинула светлые брови.

– Во-первых, давай на «ты». А во-вторых, с этим ящиком по городу не погуляешь. Нужно от него избавиться.

– Можно оставить его у меня, в гостинице, – с готовностью предложила Валя. – Тут близко.

– Не годится, – покачал головой Артем. – Лучше сделаем так: поймем машину и завезем посылку ко мне домой. Это тоже недалеко, минут двадцать – двадцать пять. А затем я к твоим услугам. Идет?

На круглом, простеньком личике девушки снова, как недавно на перроне, отразилась кропотливая работа мысли. Потом она тряхнула головой и решительно произнесла:

– Идет.

– Ну и прекрасно. – Артем поднял руку, и тут же рядом затормозил голубой «Москвич».

Действительно, через двадцать минут они уже входили в квартиру. Артем поставил ящик на галошницу, и в этот момент в прихожей с рычанием появилась Стеша. Уши ее встали торчком, губа приподнялась, обнажая желтоватые клыки.

– Ой, – Валя испуганно прижалась спиной к входной двери, с лица мигом сбежала краска, и веснушки на носу стали видны отчетливей. – Я боюсь. Она меня загрызет.

– Не бойся, не тронет. – Артем осторожно взял Валу за руку. Ее ладонь оказалась неожиданно большой для такой хрупкой фигурки. Кожа на ладони была загрубевшей, шершавой. – Фу, Стеша! Фу, кому говорю!

Собака тут же смолкла и удалилась в комнату.

– Она у тебя злая? – робко спросила Валя, так и не решаясь отойти от двери.

– Да нет, – Артем пожал плечами. – Просто не любит чужих. Ты проходи, не стесняйся. Предлагаю выпить по чашке кофе с бутербродами.

– Хочешь, я тебя накормлю? – оживилась Валя, скидывая туфли. – Что у тебя есть из продуктов?

– Все есть, – засмеялся Артем, – но ты не суетись. Не в кухарки же я тебя привел.

– Ерунда. – Валя уже раскрыла холодильник и придирчиво изучала его содержимое. – Я люблю готовить. И много времени это не займет. Отбивные будешь? У тебя тут свежее мясо в морозилке.

– Ну давай, – сдался Артем.

Он уселся за стол, наблюдая, как Валя разделяется с остатками Стешиной вырезки, сначала размораживая ее в микроволновке, затем нарезаая кусочками и отбивая молотком. Делала она все действительно ловко и умело, так что Артем невольно залюбовался ее точными, уверенными движениями. Как давно в его доме никто не хозяйничал вот так, у плиты!

– Ты один живешь? – проницательно осведомилась Валя, прикрыв шкворчащую сковородку крышкой.

– Один.

– Для мужика у тебя здесь чисто, – похвалила она и скомандовала: – Ставь тарелки.

После сытного ужина, состоявшего из румяных, сочных отбивных и салата, а также пары чашек крепкого, обжигающего кофе Артем понял, что ни на какую прогулку по Москве они не поедут.

– Вкусно? – Валя под села ближе, ее руки обвили его шею, волшебным образом утратив шершавость и став вдруг необычайно мягкими и ласковыми.

– Вкусно. – Он вдохнул идущий от ее волос едва уловимый холодноватый аромат духов, чувствуя, как постепенно отпускает напряжение, меркнут в сознании мысли о Ларисе, Ситникове, обо всем на свете...

...Ему снилось что-то очень светлое. Судя по нереальной яркости красок, из глубокого детства. Кажется, это была бабушкина деревня. Точно, деревня. Он отчетливо видел пруд, заросший камышом, изумрудно-зеленую траву на берегу, апельсиново-желтое солнце. По траве навстречу шла стайка гусей, ослепительно-белых, с красными перепончатыми лапками. Главный гусак, идущий впереди, угрожающе разинул клюв. Послышалось грозное, глуховатое рычание.

«Что за глупость? – во сне подумал Артем. – Гуси не рычат. Они гогочут. Вот так: га-га-га».

Но вожак все наступал, продолжая рычать, громче и громче...

...Артем открыл глаза. В комнате было совершенно темно. Из коридора доносилось яростное рычание Стеши. Вали рядом не было. В следующее мгновение он различил ее тихий, жалобный голос, что-то неразборчиво говоривший собаке.

Артем вскочил, вышел в коридор. Валя стояла, вжавшись спиной в дверь, прижимая к груди ящик с посылкой. Лицо у нее было совершенно белым.

– Я... в ванную хотела, – виновато и жалобно пролепетала она, – а она... вот... Ты не сердись, я ее... от нее... ящиком...

– Степанида! – строго произнес Артем. – Я же сказал!

Стешу словно ветром сдуло.

– Иди в ванную-то, – он посмотрел на девушку ободряюще и тут только заметил, что она полностью одета и даже в туфлях. Интересно, для чего наводит марафет, если собираешься отправиться в ванную?

Он взял из дрожащих Валиных рук ящик, поставил обратно на галошницу и повторил как можно мягче:

– Ну чего ты? Не бойся, она больше не выйдет. Иди куда хотела.

– Н-нет, – будто через силу выдавила Валя. – Я, пожалуй, пойду.

– Куда? – изумился Артем. – Ночь ведь. Ты на часы глядела? Небось часа два или три. Метро уже закрыто.

– Я машину возьму. – Она цепко взялась за дверную ручку.

– А с чего такая спешка? Ты же говорила, у вас целые сутки?

– Я передумала. – Она смотрела на него, точно затравленный зверек.

Что с ней? Вспомнила о бригадире поезда? Боится, что тот приревнует? Кажется, в их проводницкой компании с девчонками не церемонятся, судя по словам тощей крашеной Вики.

– Ну, как знаешь, – он пожал плечами.

Девушка юркнула за дверь. На лестнице раздался дробный стук каблучков, сменившийся тишиной.

Артем вернулся в комнату, взглянул на будильник: так и есть, два тридцать. Дуреха, ей-богу! Наверное, не надо было ее отпускать. А впрочем, не маленькая, сама сюда напросилась, сама и убежала. Кажется, она не так уж плохо ориентируется в Москве для первого раза.

Артем лег обратно в постель, закрыл глаза, пытаясь снова погрузиться в мир детских впечатлений, но сон больше не шел. Проворочавшись с боку на бок до пяти утра, он окончательно распростился с надеждой уснуть и включил телевизор. Большинство каналов не работало, по одному шел какой-то американский боевик, который он смотрел машинально до той поры, пока стрелка на часах не достигла семи.

Приняв душ и позавтракав, Артем отыскал в телефонном справочнике телефон больницы, куда отвезли Богданова, и позвонил. Ему сообщили, что у больного состояние средней тяжести, что в данном случае являлось нормой.

Повесив трубку, Артем сходил в коридор, принес ящик и аккуратно развязал веревку: внутри плотными рядами, одна на другой, лежали лаковые расписные шкатулки.

Артем взял одну из них, повертел, разглядывая. Что ж, неплохой товар. Неизвестно, почему брала его в Астрахани богдановская сестра, но в Москве на рынке он видел такие шкатулочки и по пятьсот рублей, и даже дороже. Наверное, от этого бизнеса получается неплохая выручка.

Он аккуратно закрыл ящик и снова завязал веревку, оставив неупакованной одну шкатулку, ту, которую только что разглядывал. «Оставлю на память», – решил Артем, полагая, что Женька не будет против такой платы за его услуги. Он кликнул Стешу, минут двадцать погулял с ней во дворе, после чего собрался и отправился в театр.

Глава 11

Богданов пробыл в больнице четыре дня, на пятый его выписали. Артем один раз навещал Евгения. Ничего серьезного у того, слава богу, не оказалось, выглядел он гораздо лучше, правда, желтизна с лица еще сошла не полностью, но по палате и по коридору Богданов передвигался без труда.

Артем поспешил сообщить ему о своей поездке на вокзал. Честно говоря, он ожидал, что Женька обрадуется больше. Кажется, Богданов остался даже недоволен помощью. Во всяком случае, по его постному лицу и молчанию, которым он встретил сообщение Артема, можно было сделать вывод, что для Богданова лучше было бы, если бы ящик с сестриной посылкой отправился обратно в Астрахань, не найдя адресата.

Артем несколько удивился такой реакции на проявление дружеской помощи, но списал это на счет болезни и плохого самочувствия.

Впрочем, Евгений к концу пребывания Артема в больничной палате и сам, видно, понял, что проявил невежливость, и принялся благодарить его за услугу. Прежде чем Артем ушел, они договорились, что он привезет посылку к Богданову домой, как только того выпишут.

Свое обещание Артем выполнил в ближайший вторник. С утра погулял со Стешей, поработал над партией, а после поймал возле дома машину и поехал к недавно выписанному на больничной Богданову.

Евгений жил в кирпичном пятиэтажном доме сталинской постройки, мрачноватом, сером, но выстроенном некогда на совесть: и тепло, и звукоизоляция в квартирах на высоте. Несмотря на жару, в доме царила прохлада, а из-за стен не долетало ни единого постороннего звука от соседей, что было удивительным для Артема, привыкшего к постоянному шуму сбоку, снизу и сверху в своей панельной семнадцатипятиэтажке.

На сей раз Богданов встретил его преувеличенно вежливо и радушно, как бы стараясь загладить вину за свое поведение в больнице. На ящик, который Артем втащил в прихожую, Евгений едва взглянул, сразу пригласив гостя в комнату пить чай.

Было видно, что он готовился к приходу Артема. В большой комнате на низеньком овальном столе стоял изящный поднос с чашками, затейливым фарфоровым чайником в виде домика и сахарницей. Кроме того, здесь же стояли ваза с фруктами и плоская плетеная тарелка с разнообразным печеньем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.